

В. В. Щербakov

АНАРХИСТ

Владлен Щербаков

Анархист

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Щербаков В.

Анархист / В. Щербаков — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Он мечтал о счастье для всех. Он мечтал о порядке без власти. Мечты привели за решетку, сожрали душу, искалечили тело. Мечты были бастардами комплексов. Теперь место комплексов заменило холодное пламя мести.

Содержание

1	6
2	22
3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анархист

1

Снежная крупа полировала стылый асфальт, забиваясь в трещины, обметая бордюры. Большой город забылся в коротком сне, ночные дороги свободны. Под желтое мигание светофоров по шоссе мчался большой внедорожник. Двое мужчин средних лет молча смотрели в лобовое стекло. Очередной поворот, и показалось здание с неоновыми буквами на крыше «Центральный автовокзал». Первый этаж светился, как аквариум, над дверьми табло меняло показания время и температуры. Красные светодиоды переажались с «01-58» на «-05». На перроне два автобуса с грязными бортами, зато на парковке блестели желтыми боками с десятков такси. Клеоча шипами, на парковку въехал черный Рэнж Ровер.

– Давай туда! – показал Артем.

Водитель ладонью сделал оборот рулем, колеса прочертили дугу к освещенному месту. Артем выкинул руку, посмотрел на часы, блеснувшие из-под обшлага пальто:

– Два часа, как условились.

– Интересно, какой он сейчас? – проговорил водитель. – Сколько же времени прошло – целая жизнь!

– Врагу такую жизнь! Как он там выжил? С его характером? – Артем нахмурился, лоб пересекла складка, породистое лицо окаменело. Он всегда был красавцем, такие как он играли в кино белогвардейцев.

– Выйду, подышу.

Артем вышел из теплого салона, втянул носом холодную смесь воздуха и продуктов жизнедеятельности большого города. Резко выдохнул, подумал о сигаретах – вряд ли дорогой табак более вреден. Артем открыл дверь, стараясь не запачкать брюки, достал из перчаточного ящика пачку Кэмэла. Обернулся и вздрогнул. Рядом стоял сублильный мужчина в темной тряпочной куртке. Желтая коробка выпала из руки. Сублильный резким движением остановил падение, пачка сигарет хрустнула в кулаке.

– Курение убивает.

– Махно! – выдохнул Артем.

– Вадим! – послышался крик из Ровера.

– Спокойно, братцы, после обнимемся.

Махно пожимал руки товарищам, как в былые времена не поднимая головы. Артем, как и тогда, почувствовал себя ниже ростом.

– Я чуть на пол не сел, когда ты позвонил!

Артем и Махно расположились на заднем сиденье, водитель с улыбкой смотрел на них в салонное зеркало.

– Вернее когда ты назвался. – Дубин скользил взглядом по лицу старого друга. – Не сразу признал, богатым будешь! А номер этот откуда?

– Богатым, – Махно смотрел в подголовник пассажирского сиденья, – буду. Номер мать сказала.

– А, вот в чем дело! Сколько лет прошло. Я Галине Николаевне сразу свой номер дал, как первую мобилу тогда купил. Этот номер только для близких остался. У меня в этом телефоне три сим-карты, очень удобно, знаешь!

Артем достал мобильник.

– Китайский, но все что надо есть и работает. Сейчас, Вадимка, каких только телефонов нет – и с телевизором и с ЖПС и с...

– Знаю, – прервал Махно, – я же не на Луне сидел. Мать долго болела?

Он не поворачивал головы, но блеск в его глазах невозможно было не заметить.

– Я делал все, что мог, Вадим. Лекарства привозил. А когда ей уже морфий назначили, с врачами договорился, чтобы не экономили.

– Спасибо, брат. – тихо сказал Махно. – Не пустили меня на похороны.

В салоне повисло молчание. Лоб Артема снова пересекла морщина. В зеркале он увидел такой же нахмуренный взгляд водителя.

– Куда едем? – спросил Махно.

– Мы с Сергеем Сергеевичем решили встретиться с тобой в лучших традициях американских гангстеров, – улыбнулся Артем, – как Роберта де Ниро.

– Помнится, ему сначала проститутку подогнали. – улыбнулся Махно.

– Все будет, брат! В лучшем виде! Женщины такие будут, де Ниро и не снились! Я правильно говорю, Сергей Сергеевич?

Водитель хмыкнул.

– Я смотрю, вы буржуями стали – у тебя прикид сразу видно на целое состояние тянет, у Сергея Сергеевича джип. – тонкие губы Махно скривились в улыбке.

– Нет, Вадим, буржуй у нас один, – подал голос водитель. – Ровер Артемкин, я у него водитель сегодня.

– Ты Серега, не вводи товарища в заблуждение. – Артем легко ударил по водительскому креслу. – Сам у меня руль выпросил.

– Я, Вадимка, с месяц как этот аппарат купил, до этого на Хундае гонял. А тут дела в гору пошли.

– Я рад, чего ты оправдываешься? А у Сергея Сергеевича как дела? В гору, под откос?

– Вадюх, может, мне тебя тогда Вадимом Александровичем звать?

– Махно у меня погоняло!

Салон снова наполнила тишина, Артему показалось, даже воздух сжался, промелькнуло: как в подводной лодке. Подвеска Ровера напомнила о родном асфальте, Вадим выдавил улыбку:

– Простите, парни. Нелегко сразу к хорошему привыкать. Я так понимаю, в баню едем?

– Ага, – выдохнул Артем, – в гостиницу. Там и бассейн и сауна. Мы с Сергеем заказали.

Подъезжаем, кстати.

– Отлично! Мне все дерьмо со шкуры содрать надо.

Фары Ровера осветили шлагбаум. Сергей опустил стекло, протянул магнитную карту к ридеру. Индикатор сменил красный цвет на зеленый, шлагбаум поднялся. Ровер нырнул в подземную парковку.

Артем искоса наблюдал за Махно, когда они шли мимо ряда дорогих иномарок, заходили в гостиничный холл. Чувства друга были вполне понятны – он жил в другой стране. Махно, похоже, старался не выдать удивления от увиденного, шел, не поднимая головы, только глаза шурил и поджимал тонкие губы.

Друзья прошли в холл, Артем кивнул парню за стойкой, получил ключи. Бесшумно раздвинулись двери лифта, Артем нажал кнопку 6 этажа. В лифте Махно увидел свое отражение в зеркале, резко развернулся. Артем заметил, как затвердело его лицо.

– Проходим, – через несколько секунд сказал Артем, открывая дверь с номером 661, – оплачено за сутки, здесь отдохнем и Вадим отоспится.

– Да тут для трех Портосов-алкоголиков накрыто. – восхитился Сергей.

– Вперед, мушкетеры, к столу! – пригласил Артем.

«Мушкетеры» стали раздеваться.

– Давай, Вадим, сбрасывай рубище, пока в туниках походим, – Артем показал на банное белье, – а днем я тебе нормальную одежду привезу. Домой поедешь, как говорится, в лучшем виде.

– Рубище мне со всего отряда собирали, чего посовременней и по размерчику. – усмехнулся Махно. Он быстро сбросил куртку, джеммер, рубашку, полотняные брюки.

– Совсем голым мне, брат, в падлу ходить, – сказал Вадим. – Плавки есть?

– Здесь все есть. Посмотри в шкафчиках, это в ту дверь, там сообразишь. – Артем показал на проход, ведущий к бассейну.

Махно вернулся в плавках, разгоряченный, клубком змей блестящих шрамы на животе. Артем и Сергей встретили его за столом с поднятыми бокалами. Друзья повязали на бедрах простыни, на массивной тренированной груди Артема и сухой жилистой Сергея чернели татуировки в виде буквы «А».

– Свобода или смерть! С прибытием, брат!

– Пришлось выжить. – усмехнулся Вадим, прошел к столу. Не обращая внимания на бокал с янтарной жидкостью, взял рюмку, наполнил ее водкой:

– Смерть врага – вот свобода.

– А я ведь тебя не признал сразу!

Третья порция виски вызвала мощный всплеск эндорфинов, Артем смотрел на Махно и видел прошлое. Замечательную молодость, когда горели сердца (и не только сердца), а тестостерон шпарил как камчатский гейзер.

– Ты не только не постарел, наоборот даже как ...

– Как пацан. – сощурился Махно, морщинки паутиной пошли вокруг глаз. – Маленькая собака... – Брось, я не то хотел сказать. Понятно, что тебе пришлось перенести, но ты и не постарел как мы. Не на зоне, а будто на курорте был. В заморозке! Как у Брэда Питта в невероятной истории. – Какого Брэда?

– Да, брат, тебе много надо узнать. Но ты быстро все схватишь, жизнь сейчас если не веселей, зато стабильней, как наши бонзы говорят.

Артем направил пульт на телевизор, полуголых певиц сменил новостной канал.

– Эти рожи я узнаю. – тонкие ноздри Махно раздулись. – Вот эти суки точно не меняются.

– Я же говорю, ты влет все схватишь!

На экране депутаты отстаивали право облагодетельствовать народ своей многомудростью.

Друзья выпили еще, сходили в бассейн. Артем налил виски себе и Сергею, плеснул водки Махно.

– Вадим, что-то мало ешь! На столе все самое лучшее – икра, колбаса, заливное. Без ГМО и всякой химии! Я даже сигареты у проверенных людей покупаю – настоящий Кэмэл, не цыганский.

– Отвык.

– Вспомнишь, привыкнешь, за уши, как говорится... – осоловелые глаза Артема с любовью смотрели на друга.

– Давай выпьем, батько!

Друзья чокнулись, Артем опрокинул бокал, одним глотком пустил по пищеводу 100 грамм «Джим Бина». Вытер ладонью губы, которые тут же расплылись в улыбке.

– Знаешь, Вадим, вот она, – Артем двинул рукой над столом, – наша анархия! Вот не зависим ни я, ни Серега от государства! Мы на себя работаем, зарабатываем на хлеб, масло и вино, и плевать мне на всех этих чиновников, депутатов и прочих педагогов.

– Так ты у нас независимый бизнесмен, анархист-барыга? – усмехнулся Махно, подхватывая вилкой кусок холодной говядины. – Работяг нанял, Серж вон у тебя в водителях. Ментам, налоговой отстегнул, спишь спокойно. Хорошая анархия. Для тебя.

– Ты не прав! – сдвинул брови Артем. – Работники у меня именно зарабатывают, я плачу не как государство, а за труд! Ко мне в штат очередь, если хочешь знать! Менты не суются, налоги воспринимаю как данность. Когда взятки сую, «подарки», мать их, – как неприятную

данность! А куда деваться! Да, и сплю спокойно, Вадим! Я, как вспомню, каким мы дураками были, смех разбирает!

Смеяться Артему как раз не хотелось, наоборот, в глазах потемнело, кровь прилила к лицу.

– Народное образование под названием «Справедливость» хотели построить! Самоуправление!

Махно медленно жевал и смотрел в глаза товарища, пальцы тербели вилку.

– Да народу плевать на справедливость! И управлять он не желает! Народ хочет быть управляемым – сытым, веселым и чтобы думать поменьше. Народ привык, что за него дядя думает! А мы, глупцы, на революцию надеялись!

Вилка в руках Махно со звоном лишилась двух средних зубцов.

– Глупцы?!

Мелькнула рука, сверкнув, вилка воткнулась в стол, два зуба нержавеющей стали впились в мореный дуб.

– Значит, я за глупость 19 лет отмотал? – Махно встал, не разжимая кулака.

– Значит, я 19 лет – половину жизни – полным лохом жил, по-твоему?

Махно говорил тихо, сквозь зубы, почти не двигая губами. Глаза полыхали синим огнем, Артем даже отшатнулся как от струи огнемета.

– Вы чего, мужики! – Сергей тоже поднялся, глуповато-радостное выражение лица исчезло.

– Остынь, Вадим! Артем совсем о другом хотел сказать! Он все эти годы и тебя и мать поддерживал! И работяги у него как за пазухой! И я не водитель у него совсем.

Дубин почувствовал, атмосфера разрядилась, как после хорошего ливня.

– Мы сразу договорились, – Закончил Сергей, – работать каждый отдельно, чтобы дружба оставалась дружбой, а табачок врозь.

– Курить вы стали много. – усмехнулся Махно.

Он сел, поднял голову на Артема:

– За пазухой? А как там наш четвертый анархист, который за эту самую пазуху убежал? Он не пожелал встретить старого друга?

– Мы даже не знаем, где Игорь сейчас. Я ему звонил – одно время он, как нормальный человек еще пользовался телефоном, а сейчас «абонент отсутствует...» Так что, – Артем развел руками, – может, и пожелал бы, да мы все тебя на полгода позже ждали!

– Ладно, он в своем положении, может, еще больший анархист, чем мы. – Махно вздохнул и неожиданно улыбнулся:

– Хорош о грустном, братва! Товарищ Артем, где обещанные куртизанки, которые Де Ниро не снились! А подать их для воспитательной беседы!

– Есть, товарищ Махно! Сейчас пощупаем комиссарские тела! – Артем взял со стола китайский мобильник на три сим-карты. Родные и близкие; работа; отдых, друзья.

Заранее отобранные Артемом проститутки походили на старшекурсниц гуманитарного вуза. Ими, возможно, и являлись. Улыбчивые барышни вели себя раскованно, но без вульгарщины. Девушки сами сообразили себе коктейли, смотрели музыкальный канал, смялись тихо, даже интеллигентно. Артем подобрал невысоких девушек, которая поменьше, около 160, как раз для Махно.

– Алина. – улыбнулась девушка Алексею, скрестила ножки и присела. Книксен в мини-юбке. Голубые глаза, длинные прямые волосы, упругая грудь, узкая талия, бархатная кожа. Артем знал, кого подобрать.

Алина продолжала улыбаться Махно, но тот превратился в льдину и не торопился оттаивать. Доронин понял – растерялся друг. Сколько времени прошло, сколько испытал – шрамы, как веревки под кожей, а все такой же. «С проститутками тоже самое что онанизм, только

дороже. Как можно этим делом заниматься, ничего не чувствуя по отношению к женщине? Получается просто кусок теплого мяса, обтянутый кожей». Так Вадим говорил двадцать лет назад, обязательно ему хоть чуть-чуть, но надо было очередное женское тело полюбить. Сам Сергей Сергеевич пока тоже не домогался до тела своей «комиссарши».

– Я, Вадюха, не ходок. Это Артем у нас метросексуал – здоровое питание, спортзал. Он с женой развелся давно, нет, детей содержит, конечно. Пятый десяток, а его на молоденьких тянет..

Артем уединился со своей «студенткой» уже во второй раз, Махно поглядывал на Алину, а Сергей заплетающимся языком повторял:

– Как же я рад тебя видеть, Вадюха! Сколько времени прошло!

– Время – штука субъективная. Очень много времени прошло. – под тонкой кожей заходили желваки.

– Ты, Вадим, и правда не постарел совсем. Нет, масса не та, конечно! Зато больше тридцати тебе не дашь! Если бы не седина еще. Но ее закрасить можно – никаких проблем! Химия сейчас такая – бабы намажутся, если фигуристая, не поймешь двадцать ей или пятьдесят!

Махно скривил лицо, на Сергея нахлынули воспоминания.

– А я тогда тоже чуть не посидел! Тебя забрали, к нам стали менты наведываться – вроде учились вместе, связи типа. Ко мне опера пришли, я подумал: «Все, сейчас наручники, камера, пытки! Точно терроризм пришьют!» Я бы не выдержал, все подписал. Да, вот такой я анархист был, чего там, сейчас вот каюсь в трусости. Так вот, опера меня стали о тебе спрашивать – с кем еще учился, с кем контактил больше всех, с кем дружил. Я сообразил, что ты про нас не сказал ничего, опера молодые, как я чуть в штаны не наложил, не заметили. Я им, мол, плохо Нестерова знаю, мы мало общались, он вообще одиночкой был. Я потом узнал, примерно то же остальные говорили, так что тайная организация так и осталась тайной. Галина Николаевна рассказывала, ты на следствии ни одного слова не произнес! Да, брат, представляю, что с тобой делали.

Лицо «брата» расплылось, Доронин по очереди прижал к глазам ладонь, кашлянул.

– Галина Николаевна передала Артему твой приказ не связываться с тобой ни в тюрьме, ни на зоне, писем не писать, передачи не пересылать. Мы тебе все через мать орга– низ – о – вывали – последнее слово далось Сергею с трудом.

– Да. Как могли. Галине Николаевне помогали.

– Грев был. За мать спасибо.

– Это все Артем! Как-то так получилось, мы вдвоем с ним остались после всего. После распада нашей организации. Мы решили каждый своим путем пойдет. Чтобы в зависимость друг другу не попасть – хоть в этом анархию не предать. Тогда же и татуировки сделали – убедить себя хотели, что не трусы. Во всяком случае, я поэтому сделал. В государственные структуры зареклись идти. Да и не хлебное тогда было место. Артему, конечно, повезло: очень вовремя доллары купил. удача удачей, но попахать ему пришлось. Сам фуры перегонял, сам бумаги оформлял, сам проблемы разруливал.

Я с самого начала решил машинами заниматься. Снял гараж, табличку намалевал «Двигатель, ходовая, дешево». Сразу наезд. Пришлось бандитам тачки перебирать за символическую плату. Хотя жить давали. Потом бандиты незаметно перевелись, знаешь. Менты пришли. Потом и они, как бы это сказать, в знакомых превратились.

Доронин не заметил, как по лицу друга пробежала тень. Он продолжал:

– Ты, наверное, думаешь, я сейчас скажу: «у меня теперь своя автомастерская, счет в банке, дом и дети красавцы». А и скажу! Дом, жена и дети – все так. Только мастерской нет своей, работаю на дядю. Потому что выгодно. Не получилось у меня, как у Артемки, брать ссуды, перезанимать, выкручиваться, кому в морду дать, кого погладить. Не тот характер ока-

зался. Работаю в сервисе, прилично, знаешь, зарабатываю. Семья у меня – жена, дочь и, – пьяно улыбнулся, – еще одна дочь. Уже взрослые совсем. Я тебя познакомлю с ними.

– Как представишь? Друг-уголовник? Убийца?

– Вадим! Если бы ты таким был, мы бы не сидели бы сейчас здесь! Ты же в самом деле друг. Без друзей нельзя, вот ты у меня был и Артем, вы и остались! – у Доронина сдавило дыхание, ком в горле, не проглотить.

– А Игорек как же? – спросил Махно.

Сергей поднял плечи, развел руками, брови поднялись, уголки рта опустились. Попытался что-то ответить, но только выдохнул пары алкоголя.

Махно потянулся к бутылке водки, наливая в свою рюмку, спросил:

– Клим как?

– С сыном живет.

– Мужчины! – из своего номера вышел Артем. У него под мышкой довольно жмурилась девушка.

– Что это у вас подруги скучают? Вадим, Сергей! Будьте джентльменами! Наговоритесь мы теперь всегда успеем, уделите внимание барышням!

Сергей поднял глаза, мысли в голове путались. Артем, девчонка с голой грудью. Какие барышни, какой Клим? Сергей повернулся к Махно.

– В самом деле, Серега, пошли, а то дамы о нас плохое подумают.

Махно опрокинул рюмку, со стуком поставил на стол.

– Пошли, пощупаем комиссарские тела. После договорим.

Сергей поднялся. Пошли! Надо, так надо!

– Мадемуазель Алина! – Махно совсем не по-рабоче-крестьянски кивнул и протянул руку проститутке. – Не собло..., собголо..., соблогло... Тьфу! Пошли со мной!

Вадим открыл глаза. Через долю секунды полумрак обрел контуры и цвета. Вадима пронзил страх. Где он? Вместо привычных голых стен и треснувшего потолка шелкография, картины, лепнина, шторы. Сознание, кувыркнувшись, встало на ноги. Локомотивом ударили воспоминания. Зона-освобождение-вокзал-автобус-вокзал-друзья. Алина.

Вадим повернул голову, провел рукой по постели. Прохладно. Приподнялся – женской одежды нет. Никакой одежды нет. Вспомнил, «рубщице» сложил в сумку, Артем обещал привезти новое барахло.

Махно опустился на кровать, прислушался к ощущениям. Так и есть: алкогольная анестезия отступает. Мозг начал привычно фиксировать болевые ощущения. Нет, голова не болела: дорогой алкоголь, безопасность, снятие нервного напряжения. В голове сладкая вата. Вату прожигает боль, в животе вспыхнуло пламя. Махно закрыл глаза и приказал себе не обращать внимания на боль. Скоро, скоро придет избавление.

Замок в двери щелкнул, Махно открыл глаза. Проем заслонила могучая фигура. Знакомый баритон:

– Как ты? Проснулся?

Махно выдохнул.

– Нормально.

– Я тебе одежду привез.

Артем положил сумку у кровати. Прошел к окну, раздвинул шторы, снял крюк. Жалюзи поднялись, номер залил свет.

– Два часа. Сергей обед организовал, присоединяйся.

– Девчонки ушли?

– Давно. Деловые, чего им со взрослыми дядями. – усмехнулся Артем. – Как тебе Алина?

– Нормально.

– А ведь и не подумаешь, что любит за деньги. Могла бы осчастливить кого-нибудь.

– Осчастливит еще.

Перед глазами Алексея возникла девичья фигурка в постели. Волосы, разметавшиеся на подушке, синий блеск глаз, перламутровые зубки. Покопавшись в себе, Махно обнаружил бы, что ночью чувствовал ненависть. Он ненавидел обстоятельства, заставившие красивую девушку продавать свое тело. Понимал – где тело, там и душа. От этого ненавидел еще больше. Еще понимал, продажу тела можно оправдать только необходимостью выживания. Девушки, которых пригласил Артем, явно не находились на краю жизни и смерти. Чтобы избавиться от неприятных мыслей, Махно оценил свежее лицо Артема:

– Ты как огурец, смотрю.

– Я с алкоголем аккуратнo, говорю же – возраст.

– Следишь за собой? – Махно сел на кровати, подвинул сумку.

– Стараюсь. Ты тоже не стариком выглядишь.

– Так мне стараться не приходилось. – теперь усмехнулся Вадим. Он почувствовал неловкость, прервал паузу:

– Спасибо за одежду, брат. С размером не было проблем?

– Сейчас с одеждой нет проблем. Магазины завалены: и размеры и фасончик, только плати – капитализм, батенька.

Вадим надел джинсы. Артем угадал и с размером и с фасоном – прямая классика, только пояс занижен.

– Отлично. Умоюсь и выйду.

– Вадим! Прямо другой человек! – Сергей приветствовал друга. – Вернее, тот же самый, как будто из машины времени вылез.

Вадим сел к столу. Он и впрямь чувствовал себя удобно в джинсах, ковбойской рубашке. Особенно радовали полуботинки – легкие, тонкой кожи, на липучках.

– Да нет, не тот же самый. Время не обманешь и река, как я понимаю, другая.

– Это точно, жить тебе заново начинать надо. – сказал Артем.

– Но не с пустого места. У тебя есть мы, как ни как.

Артем разлил напитки: в бокал виски – «Сергея!», в рюмку водку – «Вадим!», в фужер минералки – «За рулем. Сейчас с этим строго!» Друзья чокнулись: «Еще раз – с возвращением!» Сергей закусил бутербродом с икрой, Махно посмотрел на снeдь. Все красиво и вкусно, но ничего нельзя.

Артем принес пальто, повесил на спинку кресла.

– Вадим, квартира у тебя в приличном состоянии. – Артем достал из кармана ключи. – Все счета в порядке. Железную дверь я еще при Галине Николаевне поставил, замки в свое время считались сейфовыми.

Артем достал оранжевую пачку.

– Деньги. Поллимона – наш с Сергеем... – Артем замялся. – Не знаю, как назвать, Вадим. Я знаю – ты гордый, но это не подарок, не оправдание, а...

– Спасибо, друзья. – просто сказал Махно. Он все понимал, друзья все понимали.

Артем продолжил веселее:

– Машину подбери, лучше иномарку. С запчастями сейчас особых проблем нет. Сергей, сам знаешь, любую технику в конфету превратит.

– У меня и ксивы нет. Старые права наверняка недействительны.

– Тоже не проблема. Как и раньше, продаются. Практически официально. Паспорт у тебя есть?

– И паспорт новый и справка об освобождении.

– Значит, подыскивай. Рынков как раньше нет, все через интернет торгуют, так что придется тебе ноутбук прикупить, модем и заняться изучением новых технологий. Дело не хит-

рое, сам справишься, я покажу только, как поиском пользоваться. Отдохнешь, давай ко мне в службу безопасности.

У Махно потемнело в глазах. Он глубоко вздохнул. Почувствовал, горло освободилось.

– Вертухаем предлагаешь? Благодарю, Артем. Нет. Вы же договорились не работать друг на друга, чтобы друзьями остаться. А я чем хуже? Сам работу найду.

– Как знаешь. Если что...

– Артем, спасибо.

– Вот еще, – Артем снова полез в карман. – Телефон. Такой же как у меня – китайская копия Нокии. Книжечка к нему – инструкция. В телефоне номера – мой и Сергея. Сим-карты покупай сам, это дело личное. В любом салоне про тарифы все разъяснят.

Артем подцепил вилкой кусок мяса, крепкие белые зубы в два счета перемололи волокна говядины.

– Ну что собирайтесь, парни, пойду машину подгоню.

Махно крутил в руке телефон.

– Сергей, у тебя номер Игоря есть?

– Есть в телефоне.

– Давай я его забью себе на всякий случай.

– Сейчас! – Сергей уже надевал куртку. – Записывай.

«Сохранить номер в телефон? Да. Нет.». Да.

– И еще, – Махно поднял глаза. – Расскажи в двух словах, как Клим поживает.

– Заметил, как он плечом дергал? – Антон провожал взглядом худосочную фигуру старого друга. – Дерганный стал, как бы не натворил чего.

– Нервное это. – Сергей изогнулся на пассажирском сиденье, посмотрел в боковое зеркало. – Плечом он вроде и раньше дергал. Эх, как бы не задумал он чего, а то хлебнем еще...

– Да уж, сейчас мне экстрим совсем ни к чему.

Артем надавил акселератор, Ровер мягко сорвался с места.

Снежинки плавали в воздухе, тонули, падая на коричневые трупики листьев. От избытка кислорода кружилась голова. Вадим через двор медленно шел к своему дому. Свой дом. 19 с половиной лет прошло, все изменилось и все осталось прежним. Тропинка все так же ведет вдоль ограды детского сада. Так же в центре двора чуть кривая горка: блеснит лист нержавеющей стали, только слоев краски добавилось на поручнях. Те же скамейки у подъездов, так же ухожена земля под окнами. Только деревья стали намного выше. И окна почти сплошь пластиковые. Вадим посмотрел на третий этаж. Артем заботился о матери: два темных окна и балкон из стеклопластика. Вадим достал ключ, приложил к панели домофона. Привычный для подавляющего числа жителей городов сигнал, дверь открылась. Поднимаясь по лестнице, Вадим отметил, как бьется сердце о грудную клетку. Пламя в животе стихло. Ненадолго, только пока возбуждена нервная система. Вадим провернул ключ в «сейфовом» замке, вошел в квартиру. Дверь с щелчком закрылась, через пару секунд глаза привыкли к полумраку. В квартире едва уловимо пахло лекарствами. Прямо – закрытая дверь в кухню. Тогда, давно, мать закрывала дверь, когда готовила, мягко светился прямоугольник стекла, снизу просачивались запахи скорого ужина. Мать всегда слышала, когда он приходил. Дверь приоткрывалась, вместе с запахами доносилась музыка из радиоприемника. Мама – невысокая женщина, которую часто путали с девчонкой со спины, выглядывала, одним взглядом оценивала состояние и обычно улыбалась.

Никто не выйдет. Не будет той музыки, не будет тепла. Другая река. Это был твой выбор. Ты говорил себе, что готов. Только к чему? К одиночеству, ради призрачного счастья незнакомых людей? Возлюби дальнего. Сволочь!

Вадим вышел из квартиры. Сердце рвалось из ребер. Воздух, свежий холодный воздух свободы. Вадим глотал его, мечтая утонуть, потерять сознание и освободиться навсегда. Но это было бы слишком просто.

Махно шел решительной походкой, чуть наклонив голову. Навстречу, сбоку, сзади шли люди. Вроде такие же, как и девятнадцать лет назад, но другие. Это чувствовалось не по одежде, а по лицам, по движениям. Люди совершенно чужие и ему и друг другу. Общество изменилось. В какую сторону? Он остановился на перекрестке. Красный свет светофора. Удар в спину.

– Что встал? Иди!

Махно развернулся. Опухший от пива детина равнодушно отодвинул его и пошел через проезжую часть, даже не взглянув по сторонам. У Махно сжались челюсти, перед глазами поплыли черные точки. Дитина задвигался медленнее, воротник куртки, жировая складка, мускулы шеи стали прозрачными, открывая основание свода черепа. Всего лишь два прыжка!

Махно вздрогнул от вида полицейского автомобиля, завернувшего на перекрестке. Так не пойдет! Махно сделал пару глубоких вдохов, легкие приняли частицы смога, отделы мозга, отвечающие за ярость и сентиментальность, прекратили отравлять сознание. Дело превыше всего, а честь прибудет делом.

Часть автомобилей к габаритным огням прибавили ближний свет фар, тротуары начали подсвечиваться витринами магазинов. Махно поднялся на крыльцо под неоновой вывеской «Супермаркет 24». Огляделся. Отделы сверкали ценниками. Такого разнообразия Вадим не мог себе представить. От телефонов и курительных трубок до золотых изделий и даже автомобилей. За сверкающей иномаркой, судя по тележкам с продуктами, находился нужный отдел. Вадим шел среди пестро одетых мужчин и женщин. Кто-то смеялся, кто-то разговаривал по телефону. Граждане выглядели довольными жизнью. Вадим глянул на свое отражение в стекле. В плане одежды он ничем внешне не отличался. Прав, во всем прав Артем.

Перед продуктовым, «Карусель» усмехнулся Вадим, обнаружил не менее нужный отдел. Аптека. Вадим прошел через стеклянные двери, глянул на рамку, похожую на металлодетектор. Во внутреннем кармане кожаной куртки лежала пачка пятитысячных. Вадим нащупал одну купюру, достал из кармана.

– Обезболивающего. – протянул деньги провизору – девушке с лисьим лицом.

– Какого вам? Могу предложить «Нурофен», «Спазмолгон», «Ибупрофен»...

Вадиму захотелось наругать, но улыбка на девичьем лице вполне походила на искреннюю.

– Которое посильнее, пожалуйста.

Сверкающий турникет на входе в «Карусель» приветливо распахнулся. Вадим подумал, не взять ли корзину, но решил сначала осмотреть магазин. Подняв голову, Вадим наткнулся на подозрительный взгляд существа неопределенного пола в робе. На груди, то ли женской, то ли пивной, красовалась бирка «Охрана». Вадима передернуло. Оглядевшись, он прошел мимо охранника в сторону стоек с алкоголем. Еще раз поразился разнообразию, сдвинул брови на цены: все правильно, он и сам считал, что наркотик должен быть дорогим. Но это должен быть наркотик, произведенный по заводской технологии. Среди множества марок водки Вадим не нашел «Смирнофф», поэтому взял, что подороже – «Белуга». Огляделся в поисках кассы, наткнулся на тот же взгляд. Вадим скрипнул зубами.

– Эй, ты! Иди сюда!

Охранник подошел. В его взгляде читалась гамма животных чувств: от удивления и подобострастия до ненависти. При близком рассмотрении, оказался мужского пола.

– Ты кто? – Махно поднял голову – рост охранника приближался к 180.

– Не видишь – охранник! – ткнул пальцем верзила в мягкую грудь.

– Я тебя просил меня охранять? – прошипел Махно. – Или я на вора похож?

– Это моя работа. – охранник надул губы, чуть нагнул голову, очертив складку под скошенным подбородком.

– Твоя работа не портить покупателям настроение! – Махно смотрел теперь на вышитую бирку и продолжал шипеть.

– А я – покупатель!

Вадим вытащил из кармана оранжевую пачку и помахал перед носом охранника.

В глазах охранника осталось только чувство подобострастия.

– Извините.

Вадим пошел к кассам, оглянувшись, заметил, как охранник говорил по мобильнику.

«Вот же я фраер!» – осудил себя Вадим.

Вадим шел домой, стараясь не испачкать новые ботинки. Еще не совсем стемнело, но

– Эй, малой, не торопись. – обдав перегаром, прохрипел кто-то над ухом.

На левом плече Вадим почувствовал руку незнакомца, в правый бок уперлось что-то острое.

Охранник! Засветил лавруху, понторез! Вот и поделом. А при себе ни заточки, ни бритвы. Даже ботиночки на тонкой подошве. Пузырь в кармане сидит плотно, но все равно помеха. С другой стороны, защита. Рука сжимает плечо, захват не за куртку. Нож прямо в бочину – хорошо. Без замаха хороший опыт нужен, дядя.

Мысли в голове Махно пронеслись между первой и второй порцией перегара.

– Давай по-хорошему, снимай курточку. – попросил дядя почти вежливо.

Махно повернул голову, стараясь не раздражать налетчика. Оценил обстановку. Оба в черном, лет тридцать, плотные, скорее не наркоманы, боль прочувствуют. Фигура второго в метре от первого, руки, похоже, в карманах.

– Не вопрос. Снимаю.

Махно поднял правую руку к застёжке, крутанулся, левой сбивая «дядину» руку с ножом. Куртку Махно не расстегнул, три пальца сложились щепотью, «клюв» вонзился налетчику в глаз. Нож упал на землю, грабитель взвыл и схватился за лицо, согнувшись крючком. Махно нырком ушел под руку второго грабителя, его кулачище пролетел над головой. Прижался спиной к ограде, ухватился за прутья, выбросил ноги в приближающегося громилу. Это был не удар – толчок. Грабитель упал на спину, но сразу стал подниматься. Махнохватило доли секунды. Он кувыркнулся через плечо и подобрал нож. «Дядя» все завывал, лежа на боку и суча ногами, сквозь пальцы сочилась темная со слизью жидкость. Махно, понимаясь, перебро-сил нож в правую руку, поиграл пальцами, находя центр тяжести. «Дядин» приятель смотрел на манипуляции с ножом, теперь его движения замедлились, он явно что-то соображал.

– Слышь, мужик, ты из каковских?

– Мужиков в тайге искать будешь. – Махно не мигая смотрел на грабителя.

– Слышь, ты это. Того!

Вадим сжал челюсти, чтобы не улыбнуться.

– Чего «того»?

– Давай, это, разойдемся по-хорошему. Я этого, – грабитель показал на приятеля, – заберу. По ходу, ему в больничку надо.

Нож в руке поменял положение, Махно отступил на два шага. Грабитель с преувеличенной заботой поднял товарища. Махно смотрел им в спины, пока те не свернули за ограду детского сада.

Вадим открыл дверь. Включил свет, не раздеваясь, прошелся по квартире. В его комнате все осталось как прежде, в комнате матери мебель посовременнее, японский телевизор. Артем купил матери в свое время. Кухня мало изменилась, разве что другая плитка. Мать говорила, Артем подарил кухонный комбайн. Им, видимо, и называлась грудка пластика и железа на столе. Холодильник тоже был другой, но про него мать не рассказывала. Не успела. Продуктов Вадим не обнаружил. Артем правильно решил не разводить насекомых в квартире.

Махно достал стакан, открыл кран, но тот просипел как легкие туберкулезника. Махно покрутил кран на стояке в туалете, вернулся в кухню. Спустя минуту вода из крана стала прозрачной. Махно наполнил стакан, запил таблетку «Солпадеина». Прошел в свою комнату, по

пути шелкнув выключателями. Предметы потеряли цвет, контуры очертания. В окне огромной вороней лапой махало дерево. Изогнутая тень змеилась через всю комнату. Вадим поставил на письменный стол «Белугу». Последний раз, когда он смотрел в окно, детский садик просматривался без помех.

Вадим с хрустом открутил пробку, поднес горлышко к губам, запрокинул голову. По-настоящему глотнуть не получилось, мешала пластмассовая штука в горлышке. Дозатор? Для русского народа? Вадим постарался не обращать внимания на рецепторы, содержимое бутылки уменьшилось на треть. Вадим лег на кровать и закрыл глаза. Роза пламени в животе сворачивала лепестки.

– Ты чего без света?

Свет из коридора очертил силуэт, который можно принять за девчоночий.

– Я пошла. Не скучай.

– Счастливо отдежурить.

Дверь за матерью закрылась, Вадим снова посмотрел на площадку детского сада. В беседе мелькали знакомые тени.

– Скучать, думаю, не придется.

Вадим прошел к выключателю и трижды поменял положение клавиши.

Через пять минут друзья входили в квартиру.

– Физкульт!

– Привет, чернорубашечники.

Друзья пожали руки.

– Проходим в комнату.

– Тетя Галя нас спалила. – сказал Артем. – Наверняка подумала, оргию собираемся устраивать.

– Она знает, я много не пью. – Вадим выдвинул скамейку из стоек. – Да и вас знает. Рассаживайтесь. Клим, падай на диван.

– Пьешь ты, положим, не меньше остальных. – Артем сел на край кровати, откинулся к стене.

– Только не пьянеет. – рядом сел Игорь и похлопал ладонью по покрывалу. К нему под села девушка. На скамейке расположился Сергей. Вадим встал между стойками, облокотившись на гриф от штанги.

– Клим, как с листовками?

Девушка подняла глаза. Вадим в который раз удивился, насколько голубой и прозрачной может быть оболочка.

– Распечатала, порезала. Всего получилось примерно 200 штук. – девушка открыла сумку, которая лежала у нее на коленях.

– Как пачки с деньгами. Не тот размер. Надо один лист – одна листовка, шрифт побольше. Тогда заметнее.

– Это и так наибольший. – вступился Игорь. – Принтер матричный, ничего не сделаешь. Бумаги мало, пришлось порезать. А чтобы заметнее, тогда в самом деле на деньгах печатать надо. «Собственность – это кража».

Парни рассмеялись.

– Цель акции привлечь внимание. Внимание привлекать будем этим. – Вадим шагнул к столу, вытащил из ящика три полиэтиленовых брикета, перевязанных изолентой.

– Ого, вот это кирпичики! – Артем встал с кровати. – Не переборщим?

– Это смесь селитры со всякой ерундой. Мощность взрыва, как от новогодней петарды, огня больше. Я так думаю. Время горения запала 3-5 секунд. Это я проверил.

– В армии научили?

– В армии, – кивнул Вадим. – Только не отцы-командиры. Был в роте один помешанный пироман, вот от него и набрался. Командиры только приказывали: делай так и вот так. Без объяснений.

– Во-во, в армейке думать нельзя, – подтвердил Сергей. – не то в командах засомневаешься, на пулеметы не пойдешь или там гражданского свидетеля в разведке пожалеешь.

– Вот здесь, – показал Вадим на примотанную к брикету трубку, – запал из бертолетовой соли. Чиркнул коробком и бросай.

– Может, коктейль Молотова надо было сделать? – усомнился Игорь. – Вещь проверенная, а эта штуковина еще не факт джип подожжет.

– Квартира бы провоняла. – объяснил Вадим. – Заодно опробуем «штуковину».

– Чего только три? – спросил Артем.

– Бомбим ты, я, Сергей. Игорь обеспечивает безопасность Клима.

– Опять? – возмутился Игорь.

– Повторяю – ты обеспечиваешь безопасность Клима. У нее самая важная задача, плюс к этому нельзя допустить, чтобы ее схватили.

Вадим строго посмотрел на девушку.

– У тебя потемнее ничего не нашлось? В таких джинсах только на дискотеку.

– Не нашлось! Может, мне еще волосы перекрасить?

Девушка отвернулась. Обижается. Вадим вздохнул. Не надо ее было Игорю к делу привлекать.

– Сверим часы. – Вадим посмотрел на «Ориент» – 23-17.

– Черт! Опять вперед ушли! – Артем начал подкручивать стрелку.

– Через полтора часа именины нашего мэра будут в самом разгаре. Надо потихоньку выдвигаться. Заранее тоже нечего там отсвечивать.

– Слушай, Махно, – нахмурился Игорь, – а точно там мэр с пиджаками гуляет? Информация точная?

– Из первых рук. Я сам мясо рубил для ресторана. Пока в джип грузил, слышал, новые буржуи о всенародно избранном мэре, как о прикормленном псе говорили. Избранник наш весь город в частные руки слил. Так что не сумлевайся, брат, невинных там не будет.

– Хорошо ты устроился. – улыбнулся Артем.

– В смысле?

– Мясом заведешь! Никакого «Мегамасса» не надо. Вон банки какие наел. – Артем пожал бицепс друга. – Ты когда в качалке бываешь? Что-то в последнее время мы не пересекаемся.

– По-разному. Не получается как раньше, график у меня стал ненормированный.

– Давайте уточним план действий. Я тут набросал для наглядности. Вокруг ресторана кирпичная стена, деловые люди заезжают во двор. Это хорошо – посторонние не пострадают. – Вадим посмотрел на Игоря.

– Вы с Климом клеите листовки на стене. Сколько получится за 5 минут. Остальные просто разбросайте. Ближе к нам не приближайтесь. Перчатки нашли?

– Купили в аптеке. – доложил Игорь.

– На бумаге и кирпичках отпечатков оставаться не должно, но мало ли, клей все-таки. Нам тоже, Артем, Сергей, не забыть протереть «штуковины». Вдруг не разорвется.

– Я взял перчатки. – Артем похлопал по карману.

– Хорошо. Надевай перед самой акцией. Иначе подозрительно.

– Яволь!

– Дальше. Мы ждем, когда у выхода не будет ни курящих, ни быкующих, никого. Надеваем маски, проходим, выбираем автомобиль подороже и поджигаем. Сделать это надо

одновременно. Артем у выхода, Сергей у входа, я посередине. Уходим по одному. Мотор ловим на соседних улицах. Сбор в садике. С учетом времени на прибытие ожидание в течение часа.

– Затратное это дело – революция. – проворчал Сергей. – Снаряжение, отход.

– Согласен. Материальная сторона вопроса актуальна. – кивнул Вадим.

– Коба почтовые кареты грабил. – ввернул Артем.

Вадим посмотрел на друга. Шутит или в каждой шутке... Артем вытянулся с улыбкой простака, мол, шутка, без всякой доли.

– Поехали. К месту тоже на мотор придется потратиться.

Асфальт возвращал тепло, фары редких автомобилей дезориентировали мошкар. Насекомых привлекал свет фонарей вдоль тротуара. Исправность освещения беспокоила Вадима – до ближайших домов метров сто, несколько окон светилось, вполне возможно и в темноте кто-то шарахается по квартире. Запомнит полуночник компанию – четырех парней, один из которых плотнее и ниже, и девушку с волосами до пояса, получится из полуночника хороший свидетель. А то, что милиционеры будут опрашивать всех в радиусе прямой видимости от ресторана «Генацвале», Вадим не сомневался. Повреждение имущества деловых людей с бритыми затылками – это не кошелек у бабульки отобрать.

– Надо разделиться. – Артем, видимо, думал о том же.

– Согласен. Гарий, сумку.

Игорь передал сумку, в которой листовки соседствовали с более действенным средством убеждения.

Вадим вытащил взрывчатку, раздал товарищам.

– Мы пойдем за кустами. Гарий, Клим, увидите сигнал, делайте свое дело и сразу сваливайте. Насколько возможно быстро избавьтесь от клея, масок и перчаток. Братва, обращаемся друг к другу только по кличкам. Тебе, Клим, надо будет другой псевдоним придумать. Все, идем.

В глубине пустыря, для окрестных жителей – парка, светился и издавал приглушенные звуки шансона ресторан «Генацвале».

– Черт! – шлепнул себя по щеке Артем.

Вадим посмотрел на друга.

– Комар, – объяснил Артем. – Вопрею я чего то.

– «Вопрею озимые...», – процитировал Вадим. – Я тоже колдоблюсь. Все будет нормально, парни! Анархия – мать порядка, хаос ее отец! Пошли!

За несколько метров до кирпичной ограды Артем перебежал освещенную часть дороги. Сергей остался на углу, наблюдая из жидких зарослей. Вадим подошел к въезду на парковку. На крыльце ресторана толкались плечами два плотных индивида. Бритые головы блестели в неоновом свете.

– Садись, поехали, я тебе говорю! Ща быстро найдем!

– На мусаров нарвемся! Шлюх и так хватит.

– Ты чё! У нас мэр гуляет! Мусара нам наоборот помогут еще!

Послышался веселый гогот, бритоголовые раскачиваясь пошли к ряду автомобилей.

Взревел двигатель, вспыхнули фары, «Гранд Чероки» рванул с места. Набирая скорость, джип накренился в повороте, задний мост занесло, бампер едва не остался в кирпичной арке.

Вадим посмотрел на удаляющиеся габариты, джип лихо вырулил на проезжую часть, звук двигателя стих. «Генацвале» призывно мерцал неоновыми буквами, в стеклянных дверях отражался похоже самый дорогой автопарк города.

Вадим помахал рукой над головой, надеясь, что ладонь в темноте различима. Послышался легкий треск, из кустов вывалил Сергей.

– Начали разбрасывать.

– Хорошо. – Вадим посмотрел на часы. – Время 2-37, 5 минут им на дело, еще 3 на отход. Артема я предупредил. Итого через 8 минут заваливаем, главное, чтобы на крыльцо никто не вышел.

– А если выйдут?

– Сворачиваемся. А пока присматривай автомобиль.

– Мерседес, пожалуй, вон тот, – Сергей показал на четырехглазый седан. – Уж больно дизайн не нравится.

«Сворачиваемся...» Нет, просто вместо трех будет гореть один автомобиль. Вадим решил при свидетелях акцию совершить в одиночку.

– 2-42. Приготовились.

Друзья надели медицинские маски, выкрашенные в черный цвет.

Вадим вытащил из-за пазухи брикет с зажигательной смесью. Пальцы скользили – пот на полиэтилене. «Не просчитал», подумал Вадим.

– Протираем и идем. На отход у нас минимум две минуты.

Вадим полой рубашки протер брикет, достал коробок спичек.

– 2-45. Пошли!

Вадим побежал вперед к БМВ, стоящему напротив входа в ресторан. Он успел чиркнуть коробком по запалу, успел секунду посмотреть, как летят искры из трубки. Сунул в карман коробок. Прикинул, куда метнуть зажигалку, как в этот момент под ногами дрогнула земля, раздался взрыв. Столб воздуха едва не сбил с ног. Озаренный огнем подпрыгнул автомобиль с той стороны, где за акцию отвечал Артем.

Неужели запал сработал без замедления?

Иномарки подняли визг, как бабки на базаре, сигнализации срабатывали одна за другой.

Вадим бросил взрывчатку к ограде за дальний ряд автомобилей, оглянулся. Сергей стоял у Мерседеса с взрывчаткой в одной руке и коробком спичек в другой.

– Не поджигай! – крикнул Вадим. Он бросился к подорванному автомобилю, но в свете пламени не обнаружил Артема. Успел! Вадим рванул к Сергею.

– Бежим!

Партизаны выбежали в арку.

– Не такой уж и плохой дизайн. – продираясь через кусты, на бегу успокоил Вадим. – Дай мне изделие.

За спиной бабахнуло, к вою сигнализаций прибавился звон стекла.

– А вот мое сработало вовремя!

Вадим сунул брикет под рубашку. Сергей стянул маску на шею.

– Артем успел свалить?

– Да. – Вадим тоже опустил маску. – На дороге разбегаемся.

– Игорь!

Крик девушки пронзил сердце. Клим! Их же не должно быть здесь!

Вадим выскочил на дорогу. Проезжую часть перегородил «Гранд Чероки», передние двери распахнуты. Обхватив за талию, знакомый брателла тащил к джипу Клима. Второй бандит с пистолетом в руке держал на прицеле Игоря. Девушка упиралась ногами, пытаясь освободиться, вонзила ногти в руку насильника.

– Ах, ты сука! – бритоголовый перехватил девушку за волосы и замахнулся. Рука замерла, запястье как тисками зажало. Бритая голова повернулась, в расширенных зрачках успело отразиться перекошенное лицо Вадима, а подбородок уже передавал импульс удара. Мозг ударился о стенки черепа, лампочка сознания в голове погасла. Бандит рухнул, потянув за собой девушку.

Вадим развернулся. Рядом с Игорем стоял Сергей, брателла переводил пистолет с них на Вадима. «Промедление смерти подобно!» Великий человек был Ленин. Такая глупость про-

мелькнула в Махновской голове, когда она кувыркалась вместе с телом. Приземлившись на спину, Вадим выпрямил ноги и пятками угодил брателле в область паха. Бандит согнулся и упал, прижимая ушибленное место.

Игорь бросился к Климу. Сергей на помощь Вадиму. Тот уже встал, но поднялся и брателла, пистолет из руки он не выпустил и теперь целился в обоих.

– Обосрались? Ща я вас грохну!

Вадим переступил за спину Сергея, вышел, но у него в руках была бомба и коробок спичек. Немедля Вадим чиркнул коробком, дымя и выбрасывая искры, зашипел запал. Вадим двинул прямо на бандита.

– Ты чо, придурок? А ну стоять! – бандит тряс пистолетом, но не стрелял. Даже пьяная голова на бычьей шее просчитала последствия и дала команду ногам перебираться подальше в сторону.

Сергею такой расклад тоже явно не нравился – он присел и наблюдал, как Вадим следит взглядом за убегающим бандитом. Запал продолжал выплевывать искры.

– Прочь от машины! – заорал Вадим.

Игорь с Климом побежали, Сергей пригнувшись отступил за ними. Вадим метнул бомбу в открытую дверь джипа. В салоне как прожектор врубили, ухнул взрыв, с треском вылетели стекла. Вадим успел пригнуться и предплечьем закрыть лицо. По руке ударили склеенные тонировкой осколки. Так Махно получил первые шрамы.

Утро наступило сразу, будто душное покрывало сорвали. Воробьи устроили переключку, демаскируясь перед хищниками – несколько кошек с подрагивающими хвостами переместились по двору детского садика.

– Как увидел, Гарий с Климом начали листовки клеить, ровно через пять минут метнулся к объекту. – рассказывал Артем.

– Крайним Мерс стоял навороченный. Я под бензобак и швырнул. Кто же знал, так рванет!

– Артем, я же еще три минуты прибавил.

– Брат, прости, из головы вылетело.

– Зато мне чуть в голову не влетело.

Участники акции в полном составе сидели в беседке. Вадим видел, как все нервничали. Артема била дрожь «Холодно чего-то!», Сергей вдруг начал чесаться, Игорь не мог разжать объятия и что-то бубнил в ухо подруге. У Клима припухшие глаза, на щеках грязные разводы. У самого Вадима пульс значительно превышал норму.

– Может, часы спешат? – Вадим посмотрел в глаза Артему.

– Нет, – Артем выдержал взгляд, – говорю же – волновался сильно.

– Ладно, братва, надо привести нервы в порядок. Тем более мать думает, мы ночь в оргии провели. Нехорошо ее обманывать. Пошли ко мне.

– Ты же не держишь дома спиртное.

– Через киоск.

В те времена в любом киоске в любое время и банки с «Черной смерть» и литровые баллоны «Рояля» продавали даже детям.

Во имя конспирации, т.е. к приходу Галины Николаевны, друзья спешили выпить. Клим выпила 50 грамм разбавленного спирта и ушла спать в комнату матери. Парни сразу выпили по стакану, спирт напалмом разлился по венам. Сна как не бывало. Голова горит, мысли как лава из вулкана. О чем только не говорили, над чем только не смеялись, каких планов не строили, поминутно переходя на шепот. Конспираторы. Бутылки спирта не хватило. Сергей сгонял в киоск, притащил литр «Распутина». Вот с него дали жару. Первым отрубился Серега, могучий Артем держался до конца своей речи, затем впал в анабиоз. Они с Игорем пропустили несколько рюмок – возникла серьезная тема. Обсудив самые важные моменты,

Игорь ушел к Ленке. У Вадима двоилось в глазах, гироскоп в мозгу клинил, но сознание гордо тлело. Он посмотрел на друзей, развалившихся по углам, подумал, мать точно не будет в восторге. Зато не усомнится – дети всю ночь провели дома.

Вадим, ошупывая стену, прошел в свою комнату, упал на кровать. А вроде и выпил немного...

Дверь в комнату открылась. Фигура смазана. Или это сон?

– Мама? Мы сейчас все уберем.

– Дурак. Это я – Лена. Я пришла сказать спасибо.

Вадим открыл глаза. В комнате мрак, дверь открыта, за ней сплошная темень. Сколько времени прошло? Час? Два? Или пять минут? Приплюсовать к часу, когда вышел за ворота исправительного учреждения. Столько времени на свободе. И вот уже снова совершил преступление. Самооборона – это там в Америках. В «дядиной» глазнице уже тампон, врач звонит «02», как предписано инструкцией. Дежурный милиционер, или как у них сейчас – полицейский, приедет в больницу, «дядя» напоет приметы, дальше дело техники. Кто в ближайших домах судимый? Да вот как раз в тот день вернулся с зоны убийца Нестеров Вадим Александрович, погоняла Махно.

2

Кабанов прислушался, лифт проехал вниз, пиликнул домофон, грохнули, сдвинувшись двери, клацнул магнит. Стало тихо. Чуть за полдень, взрослые на работе, дети в школе. Кабанов надел медицинскую маску. Не хотелось попасть в объективы регистраторов – прогресс на месте не стоит, китайским видеоглазками завалены полки в Ашанах, а установить и школьник сможет. Так что перестраховка дело совсем не лишнее.

Кабанов поднялся на лестничную площадку, уверенно прошел к двери с номером 56. Звонить не стал: 20 минут назад в синей куртке с надписью «ПЖРТ» на спине и с глупым выражением лица он уже прозванивал квартиру. Сейчас вставил ключ в замочную скважину, провернул. На втором обороте чуть заело, пришлось подвигать ключом, зацепляя нужные пластины. Еще два оборота, дверь открылась. Кабанов вошел, прикрыл дверь, прислушался. На случай, если все-таки в квартире кто-то оставался, Кабанов решил действовать по обстановке. А именно: расслабляющий удар в челюсть и мгновенный отход.

В квартире тишина. Запах пота и табака. Кабанов чувствовал – никого, но проверил туалет, ванную, кухню, через зал прошел в смежную комнату. Убедившись, достал мобильник. Пользоваться сенсорным экраном в перчатках затруднительно, но возможно. Кабанов включил видеозапись, снова прошел по квартире, наблюдая в экране беспорядок, свойственный мужчинам, кратковременно снимающих жилье. Квартиранты – три гастролера – 25 минут назад уехали на «Приоре» от дома. По расчетам, отсутствовать будут около часа. Надо спешить. Прекратив запись, Кабанов сунул телефон под куртку и принялся осматривать жилище. В коридоре прощупал одежду, заглянул под ванну, хмыкнул про себя: «в постельном белье посмотри еще». В кухне уже горячее – в шкафу обнаружили шприцы, ватные тампоны, обожженная ложка.

Кабанов перешел в зал, прикинул, где бы он хранил похищенное, будь квартирным вором. Клиенты залетные, долго в квартире жить не будут, друг другу доверяют, как зять с тещей, тем более всегда готовы сняться с места. «Я беру с собою вместо чемодана...» Логично предположить, что ценности поделены и уложены в сумках.

Запоминая, как уложены вещи, один за другим Кабанов просмотрел содержимое трех баулов. В каждом нашлось по несколько пачек разномастных купюр, перемотанных резинкой. Деньги не пахнут. Иначе говоря, не являются доказательством по делу. Ни золота, ни бриллиантов не нашел. Либо заныканы, либо воры очень осторожные, сбывают ворованное сразу. Зато в сумке, как по заказу – с надписью «Динамо» обнаружили занятные предметы, похожие на набор стоматолога. И ключи со сдвижными штифтами. Вот это уже серьезно. Трассологическая экспертиза, сравнение частиц металла на отмычках с сувальдами взломанных замков и кто-то из «динамовцев» загрузится по 158 части 3. А куда деваться – не группой же по делу идти, и следствию проще – не подельники, меняющие показания, а железные свидетели: да, видели, приносил ювелирные изделия и деньги, где брал и кому рыжье сдавал, не говорил.

Дмитрий достал телефон, сфотографировал отмычки. Телефон задрожал в руке, на экране всплыло «Каравай вызывает». Пора! Быстрый взгляд вокруг, вроде вещи на своих местах, застежки на сумках в том же положении.

Посмотрел в глазок – никого. Вышел, закрыл дверь, слава Богу, ключ проблем не доставил. Кабанов пробежал на этаж выше, снял маску, прислушался. В подъезде тишина. Кабанов вызвал лифт, пока тот подъезжал обратил внимание на кусок фанеры возле мусоропровода.

Три уроженца одной из южных республик вежливо посторонились, пропуская мужчину с грязной доской в руках. Магнит не успел сработать, южане успели зайти в подъезд не прикладывая ключа.

– Успел! Я уже забеспокоился. Деятели слишком уж резко подъехали и чуть не бегом домой.

– Поехали. – Кабанов сел в салон Альмеры – Салфетка есть, руки протереть.

– В бардачке.

Караваев перевел рычаг в положение D, шипы затрещали по обледенелому асфальту, японка плавно двинулась вдоль дома. Караваев глянул в автомобиль деятелей.

– Затонировались, ничего не боятся.

– А кого им боятся? – усмехнулся Кабанов. – Полиция стала толерантной до безобразия.

Альмера выехала из двора, не успела разогнаться, как сработала АБС. Караваев остановил бампер к бамперу серой девяткой.

– Ну?

– Докладываю, господин капитан, в ходе спецмероприятия установлено следующее: в хате проживают трое...

– И так было понятно, – перебил Караваев. – Диман, давай без предисловий. Нашел чего?

– В хате проживают трое, – вздохнул Кабанов, – для меня это не было очевидным. Наркоманы, но наркоты я не нашел.

– Я же тебя просил...

– Не начинай, Юра. Предметов возможно похищенных тоже не нашел, только бабло у них по сумкам распахано.

– Много?

– Не успел сосчитать, извини. Штук по 150 – 200, для кого много, для кого мало. Самое главное, в бауле с тремя полосками нашел сверточек, а в нем набор отмычек. Вот вам козыри в руки. Включи блютуз, я тебе фото и видео скину.

Приятели сконнектились, разведанные в цифровом виде перекочевали из одного Самсунга в другой.

Караваев достал пухлое портмоне, выудил две купюры:

– Получи гонорар, расписываться не надо.

– Разовый или за март месяц?. – Кабанов взял деньги. – Ты в агенты меня не оформлял?

– Сомневаешься? Разумеется, не оформлял, агентурные я на другого человека списываю.

– Ничего не изменилось.

– Если со времен НКВД, судя по тому, как бумаги оформляются, ничего не изменилось, почему ты думаешь за тот год, что ты ушел, должно что-то измениться?

– Ну как же вы теперь криминальная полиция – передовой отряд на фронте борьбы с преступностью.

– На моем уровне – штрафная рота.

– Неплохое довольствие сейчас у штрафников. Вон у тебя курточка какая, как у Бельмондо.

– Я же не виноват, что тебе уволиться пришлось. А подложил бы сейчас «белого», и твое вознаграждение удвоилось.

– За гарантированное раскрытие? Нет, я в такие игры не играю.

– Совесть не позволяет?

– Можешь и так считать.

– Да, Дмитрий, ты не мог бы ключик золотой презентовать?

– Зачем тебе, Буратино?

– Ну как карабасы дверь открыть постесняются, я аккуратненько чик, вроде как незаперто, тут омон-артемон их и возьмет.

– За ключик доплата требуется.

– Какая доплата-моплата? Уговор какой был – ты осматриваешь хату, а способ проникновения твой геморрой! И это же я тебе оригинал дал, чтобы ты слепки сделал! Я, значит, задержанных чебуреков мариную, а он ключик сделал себе и еще доплатить требует!

– Ты не Буратино, мой друг, ты Базилио. Ладно, бери. – Кабанов достал ключ из кармана.

– Я Базилио? – вытаращил глаза Караваев. – И кто это говорит? Тот, кто в квартиры и без дубликатов проникает?

– Не было такого.

– Ага, в прошлый раз жулики дверь не заперли.

– Да.

– И в позапрошлый?

– Они же наркоши все: забывчивые, с головой проблемы.

Дмитрий распрощался с бывшим коллегой, пересел в свою девятку. Прежде чем вставить ключ в замок зажигания проделал манипуляции с мобильными телефонами, которых всегда была пара. Аккумулятор один на двоих, чтобы не забывалось о конспирации. Вот и сейчас рабочий телефон обесточился, включился телефон с легальной симкартой. Теперь можно ехать. Дмитрий вытащил подсос, со второй попытки завел двигатель. Загорелась контрольная лампа в топливном указателе. В кармане полторы тысячи рублей – такие деньги получает агент за разовую информацию. Настоящих агентов у полиции как у «самовара» пальцев, а денег выделяется много. По бумагам, отправляемым на самый верх, если преступление раскрыто, то непременно с помощью агентуры. Сожители порезали друг друга, и тут агент постарался – «раскрыл» бытовуху. Полицейское начальство требует каждый год заводить по два агента, оно же пилит 9 смету. Простому оперу получить агентурные надо очень постараться. Не столько в плане раскрытий, сколько в угождении начальству. Улыбаешься на «Еб твою мать» начальника, считаешь его многомудрость, так и быть, перепадет с барского пирога.

Зная Караваева, Дмитрий был уверен, в его личный бюджет агентские не переппадают.

Двигатель прогрелся, Дмитрий посмотрел на часы. Если заправиться, можно потаксовать до вечера – клиентов мало, зато дороги свободные.

В седьмом часу Дмитрий позвонил жене:

– Привет, я подзаработал немного, заказывай, что купить.

– Ананасов купи и рябчика, еще икры. Только черной не бери, уже тошнит от нее.

Дмитрий рассмеялся. Хорошо, когда жена веселая.

– А на десерт что?

– Хлеб закончился, чай и сахар нужен, говядины купи, ребенку две банки Нутрилона и памперсы. Хватит финансов?

– Еще останется. Скоро буду. – Дмитрий отключился, вздохнул. – А я бы от черной не отказался.

Дмитрий скреб вилкой по тарелке и думал. В самом деле почему не взял? Мог бы порадовать двух любимых людей. Ладно, сын пока не понимает, что может пить молочную смесь повкуснее, пеленаться в белье помягче, одеваться если не потеплее, то понаряднее. Но жена. Ходит в стеганой куртке, одни джинсы носит, другие стирает, чулки штопает. Стесняется с подругами встречаться. На 8 марта заколке со стекляшками обрадовалась как диадеме с бриллиантами. А ей всего 26.

Не о них ты думал, тут я на первом месте! Как же я украсть посмею! Я же уважать себя перестану! Я! Не уважать – любить! Все проще простого: себялюбие. Разгадка принципиального поведения. О себе любимом думал в первую очередь. Тем более «украсть»! У кого? У жуликов отщипнуть кусочек добычи.

Кабанов сжал челюсти. Так чем от них станешь отличаться? Чем оправдаешь методы борьбы?

Да, перестав быть полицейским, Дмитрий не перестал ненавидеть преступников. Поэтому скрипнул зубами: правильно не взял – ни жена, ни сын с голода не умирают, будут еще лучшие времена. Просто обязаны быть!

– Ты чего задумался?

– Так. – Дмитрий поднял голову, посмотрел в синие глаза жены. Морщинка между бровями, потемневшие веки. Молодость пройдет и не заметит.

– По работе скучаешь? Может, тебе в самом деле частным детективом стать?

– Сериалов насмотрелась? Офис, пушистые клиенты в очереди толкаются, жулики колются на раз-два.

У Кати заблестели глаза, она отвернулась к плите, ложка зазвенела по кастрюле.

Дмитрий звякнул вилкой по тарелке, поднялся, обнял жену, прошептал в ухо:

– Прости, Катюш.

– Ребенка разбудишь.

– Чего?

– Вилкой аккуратнее.

Дмитрий почувствовал, что жена улыбается.

– Я эту тему уже обдумывал, – тихо сказал Дмитрий. – Стану я ИП, получу лицензию, рекламу в интернете размещу – за бесплатно: «Розыск без вести пропавших, сбор информации, проверка алиби, бла-бла, лицензия №.такой-то. Налог заплачу. Только вот с чего? Есть такие объявления. Не много, но есть и, судя по расценкам, скидкам и прочим заманухам, лапу детективы частные сосут. Не готовы наши граждане к частным детективам обращаться. Какая-никакая, а полиция – орган государственный, а значит бюрократический в хорошем смысле. Заявление написал, машина со скрипом, но завертелась.

– Что же они тогда Горохова твоего не нашли? – напомнила жена прошлогоднюю историю.

– Не искали потому что. Записку его «я уехал за новой жизнью» к материалу приложили и написали отказной.

– Опять ты словами непонятными говоришь. Если реклама есть, значит, это кому-то нужно. Почему бы не попробовать? И не надо сразу лицензию покупать, пойдут дела – оформишь. Дадим рекламу, придумаешь что-нибудь, чтобы не придрались бывшие коллеги. Мой телефон укажешь, как секретарский, а я всем буду говорить: «его сейчас в офисе нет, он на задании, оставьте телефон, детектив с Вами свяжется».

Дмитрий поцеловал жену в щеку.

– Для секретарши ты слишком умная. Хотя и красивая. Помощником будешь. Интернет у нас еще имеется?

– Имеется, я заплатила за месяц, модем в ноутбуке.

Вадим шурился от яркого солнца и вдыхал ветер. Легкие раздвигали ребра, жадно впитывая кислород. Пахло оттаявшими деревьями, весной, новой жизнью. Вадим направился на встречу с прошлым.

Сугробы по сторонам дорожки просели, снег оплавился и блестел на солнце. Вадим переступил через отвал и ломая наст пошел по следу. Отпечатки крупноразмерной обуви вели к сооружению, напоминавшем прозрачный ангар. Через пластик был виден мужской силуэт. Вадим взялся за металлическую ручку и открыл дверь в теплицу. В глубине на коленях возился мужчина в черной робе. Он посмотрел на вошедшего и несколько раз сильно сжал веки. Рассада выпала из рук.

Вадим подошел к садоводу.

– Здравствуй, Гарий.

Садовод поднялся, грязная рука сдвинула очки со лба.

– Ты?

– Я. Вижу – не ждал. Я тоже думал увидеть тебя в другом одеянии.

– Как ты меня нашел?

– Ты же не скрываешься. От других.

Они сидели на холодной скамейке перед входом в здание из серого камня. Игорь переоделся и выглядел почти так, как Вадим его и представлял.

– Расскажи, как ты. Только давай сразу определимся: мы те же друзья, что и раньше. Никаких соплей и рефлексий. Мы – друзья!

Игорь вздохнул,

– Я испугался. После того как тебя... – Игорь замялся, – поймали, я уехал на Север.

– Вот так. Бросил родителей, Клима.

– Да, бросил. – Игорь смотрел перед собой, сжимая крест на груди. – Сказал матери, что уверовал. Она с отцом до сих пор считают меня сумашедшим. Не говорят, конечно, но я вижу. А и правда уверовал там, в монастыре.

– Сам себя наказал значит. Уверовал, – усмехнулся Вадим. – И прожил, как в одиночке.

– Нет. Обрел я.

Вадим покачал головой, вздохнул:

– Я тебя умоляю – выражайся нормально. Я не твои родители, от того что ты как поп выражаешься, в дурость не поверю. (мне проще

– Прости меня, Вадим.

– Бог не прощает что-ли? За что мне тебя прощать? За то что ты свою жизнь угробил?

– Ты мог бы тогда правду сказать. А ты молчал.

– Я не из-за тебя молчал. Так мне надо было. Как я мог сотрудничать с тем, с чем боролся.

На справедливость государства я не рассчитывал. Так что виниться передо мной не надо. А перед другими ты уж сам решай. Перед Климом, например. Что с ней тогда случилось?

Игорь вздохнул.

– Она уехала сразу после твоего ареста. Мне мать в девяносто седьмом рассказывала, когда проводывала. А когда вернулся, узнал, что она тогда уезжала к родным в Белоруссию. Вышла там замуж, через два года родила, потом развелась и несколько лет назад вернулась домой.

– Виделся с ней?

– Нет, я слышал, никого из нас видеть не хочет.

– А ты других видеть хочешь? Артема, Сергея?

– У них другая жизнь.

– Это у тебя другая жизнь! – Глаза Вадима сузились, ноздри раздулись. Я свободным и на зоне был, а ты до сих пор в как в тюрьме.

Игорь помолчал, потом твердо сказал:

– Нет, Вадим, я свободен. Здесь мой дом.

Махно посмотрел на друга.

– Твой выбор, Гарий.

– Могу я что-нибудь сделать для тебя?

– Можешь. Покажи мне свою обитель.

Махно вышел за ворота, набрал номер, обозначенный в телефоне как «Троллейбус»

– Передай Вальтеру, через 30 минут загляну.

Валерий Анатольевич Терновский, для некоторой части общества «Вальтер», с некоторого времени почувствовал приближение старости. Сухопарый, слегка сутулый, но широкоплечий, лицо как кора дуба, тигриные глаза из-под мохнатых бровей. Тело в татуировках еще крепкое, а голова стала подводить. Мысли рождались все не по делу. Где-то подзабыл, где-то припомнил, и вот вам жопа новый год – новый взгляд на старые вещи. Вальтер смотрел в окно на водоем, в центре которого бил фонтан, на синие с прожилками валуны вокруг фонтана, на гранитные дорожки, на испанский кирпич по 3 бакса за штуку, на кованые пики поверх ограды. Декорация. Газон, фонтаны, гранит – все декорация. Стена – это прошлое и настоящее. Какая хрен разница – из испанского кирпича, из мордовского. Вся жизнь за стеной в этой стране.

За спиной хрипел телевизор, картинка отражалась в окне. Вальтер перевел взгляд на собственное отражение, провел рукой по щеке. Не побрился. Забыл или не захотел? Старость, вот она, как этап после приговора. Шестой десяток, много ли осталось, а что за спиной? За спиной клоун в черных очках.

Оно, конечно, потешился в свое время. Водка, бабы, марафет, распальцовка. И похмельный угар, язва, от зубов одни корешки. Ни жены, ни детей, зато авторитет. Большую часть жизни за стеной. «Украл, выпил, в тюрьму». Так и есть, чего там. Оно и на воле у работяг житуха так себе. Две недели отпуск, целый год у станка спину гнуть на хозяина, работать на пожрать. Та же зона, только без охраны и грева. Мужики, они везде мужики. Сказали работать, работают. Рабы одним словом. Воровское дело воровать. Ментовское – сажать. Взяли, доказали, подсел. Все по чесноку. А сейчас? Менты вора́м служат, те из ящиков пальцы гнут, жизни учат, у мужиков последнее отнимают. Была страна советская, а стала... Вальтер пошевелил бровями. Кроме матерных, других названий в голове не вертелось.

Валерий Анатольевич повернулся к телевизору. Может, в самом деле уехать? Не в Лондон, конечно, бабла не хватит, туда паханы другого уровня едут. Во Францию, Испанию, к морю. Вопрос, получится с фраерами жить? Куда они денутся! Это как раз не вопрос. На что жить? Вот вопрос. Не общак же пилить – люди будут сильно недовольны.

– А, махновец, здорово, братское сердце! Давненько не жаловал.

Махно вошел в комнату в сопровождении высоченного парня с челюстью как ковш экскаватора. Громила пригнулся, чтобы не задеть притолоку, встал у двери, вцепившись взглядом в гостя.

– Новый боец? – спросил Махно, пожимая руку и приобнимая хозяина.

– Гера. Только откинулся, вот пока при себе держу, думаю, куда пристроить. Проходи, присаживайся. Водочки, косячок?

– Спасибо, нет.

Гера за спиной хмыкнул. Махно обернулся. Гера смотрел ему прямо в глаза сверху вниз, челюсть выдвинулась еще дальше, концы губ чуть опустились.

– С чем пожаловал, Махновец?

Махно перестал рассматривать бойца, шагнул к столу. Сел одновременно с хозяином.

– Нужны две трубки с симками.

– Больше ничего?

– Пока нет.

– Хорошо, сейчас найдем.

– Гера, слышал? Позвони Паяльнику, пусть привезет.

– Погоди, Гера. – Махно обернулся и уточнил, не поднимая головы. – Паяльнику скажи, чтобы симки не были оформлены не на одного и того же бомжа.

Гера посмотрел на Вальтера. Тот кивнул. Подручный вышел. В такт шагов грубый голос за дверью становился тише:

– Паяльник, узнал? Притарань две трубы непалевные с симками. Только вот чего...

Вальтер смотрел на человека, с которым провел восемь или девять – память уже подводит – лет в одной колонии. Причем в разное время: он вышел, погулял, снова сел, а махновец развлекался в зоне разве что походами в шизо. И ведь не меняется ни черта – как был жилистый бес, так и остался, только волосы белее стали. Приоделся, хотя фраером не был. А кто он, задавал себе вопрос Вальтер. Не мужик, не вор. Сам по себе. Были такие, но быстро определялись. В лучшем случае становились мужиками. А этот на работу болт забивал принципиально. «Лучше кашки не доложь...»

– Как, брат, в новой жизни? Как в другую страну приехал?

– Да, страна другая. Не моя.

– Ты же таким патриотом был. – усмехнулся Вальтер. – А народец как тебе?

– Плевать.

– И то верно. А ты, помнится, правду людям хотел открыть. А эта твоя правда не уперлась никому! Огорчительная вещь – правда. Человечек любит себя очень, представляет себя неебаца каким героем в неебаца какой счастливой стране. Так человечку жить легче. А ты ему правду в нос! Которая сплошь из дерьма. Человечек будет тебя слушать? Как же! Скорее прибьет тебя за такую правду. Ладно, нашел, кого искал?

– Да.

– Как всегда мало говоришь, много думаешь. – сдвинул брови Валерий Анатольевич. – Правильно. Только со своими и поговорить не грех.

– Ты, вроде, тоже базары не разводил.

– Старею, побалакать с умными людьми душа требует.

– Мемуары пиши, вроде как с собой разговариваешь

Давно у Вальтера так не напрягались мышцы живота.

– Смешно! Мемуары и на нары! Или на перо.

– У всех великих писателей трудная судьба.

У Вальтера поднялось настроение. На миг он предствил себя раздающим автографы, на щеках модная щетина, губы вперед. И очки черные. Трудная судьба клоуна. Вальтер хмыкнул и спросил:

– Ты как насчет мечты заветной – не передумал?

– Нет. Уеду или в Китай или на Луну.

– В Китай реально из-за того, что там бабы низкорослые?

Вальтер не мог понять, шутил Махно или нет, когда рассказывал про планы на воле.

– У тебя уже яйца седые, на такую ерунду забить давно пора.

– Комплексы, Вальтер, комплексы. – Махновские глаза залучились морщинами. – Нравятся мне китайшки. Хотя и в Таиланд можно свалить, буду белым Буддой – тайки кокосовое молоко в постель приносят, улыбаются.

– Ты азиатов не знаешь? Лыбятся, а сами прикидывают, куда заточку ткнуть, чтобы не сразу кони бросил, а чтобы от боли обосрался вначале. А я бы во Францию умотал.

– Какие проблемы?

– Подозреваю, такие же как у тебя.

– Комплексы?

– Во-во! Когда бабла своего нет, сразу комплексы, к психиатрам не ложись.

Старый вор тоже умел шутить. Во всяком случае, он так думал.

Махно улыбнулся.

– Насчет бабла, Вальтер, есть кое-какие мысли.

– Излагай.

– Прежде чем к серьезным делам перейдем, скажи, Гера по твоему приказу все исполнит? Сдается мне, не так он прост.

– Это верно, с виду не академик, но думает не задницей. Не сомневайся, что скажу, все сделает.

Через тридцать минут в дверь постучали.

– Готово, босс. – Гера положил на стол два новых мобильного и два конверта с сим-картами.

– Муха не сидела.

– Спасибо, Гера. – Махно повернулся к Вальтеру. – Я введу парня в курс дела?

– Давай.

– Присаживайся, Гера, помочь надо в одном деле...

Гера проводил гостя и вернулся.

Вальтер уловил в его глазах вопрос.

– Присядь Гера, я тебе один мемуар расскажу. Махновца за убийство мента приняли. Зарезал как свинью. Не за себя, за идею. Политику ему шили. Банду он типа собрал для переворота. Так вот, махновец на следствии ни одного слова не сказал. Вообще ни одного. Мусора на нем реально прыгали, половина кишок врачи из него вынули, как выжил не понятно. Это сейчас он как щепка, а тогда, говорят, накачанный был, что твой Рэмбо. Так вот, судят Махновца, а он молчит. Чем он там судей напугал, только догадываюсь, получил он свой пятнарик, но не сразу на зону попал. Определили его в снова в больничку, только в дурку. Уколычики, таблеточки. Махновец молчит, но овощем становиться не желает. Запугал санитаров, они стали его стороной обходить. Про то я слышал от других страдальцев потом уже. Говорили, он гипнотизировал. Брежня! Хотя... Знаешь, взгляд у него и вправду иногда такой, – Вальтер пошевелил бровями, – не знаю, нечеловечий. Ладно, переводят, стало быть, Махновца на зону. Селят в мою хату. Он худой, в чем душа только держится. Заходит, как будто нас нет вообще. Я посмотрел, решил к столу пригласить. Он садится, я ему харч двигаю, мол, везде люди. А про него уже малява была: про мента, про пытки, что немой. Махновец хлеб пожевал, водой запил, говорит: «Спасибо». А это первое слово с момента ареста. Репа ухмыльнулся, вот как ты сейчас, и поучает: «Благодарю надо говорить, фраер». Махновец встает, подходит к Репе. Так получается Махновец ко мне спиной, я рожу Репы наблюдаю. Смотрю, а Репа сидя чуть ниже, чем Махновец стоя, у Репы глаза меняются. Что за херня, думаю, как смерть увидел. Махновец ему тихо так говорит: «Я свободный человек, а не раб условностей». Что-то типа этого. Потом добавляет: «Благодарю – значит благо дарить. Ты считаешь, какое-то благо можешь подарить в ответ на добро?» Огорчил он меня тогда, но я не стал ему предъявлять – человек новый, с головной проблемы. Думаю, успеется, поглядим пока. Все улеглись, Репа к его шконке подходит, наклоняется и падает с выпученными зенками. Ногами сучит, за горло держится. Махновец ему кадык своротил. Махновца в шизо, Репу в больничку. Вышел Махновец, мы поговорили, решил я его пока не наказывать, думаю, пригодится такой отморозок. Он реально пригодился, стал у нас вроде контразведчика. Стукачей вычислял и наказывал сам. Без фанатизма, но чтобы всю жизнь помнили – предавать нельзя. Такими фортелями он себе срок набавил. Недавно откинулся, ко мне пришел старое вспомнить и человечка одного найти. Что уж он там задумал, не знаю, но попросил адресок этот забыть.

– А на кой он тебе, босс, такой, – Гера подвигал челюстью, – самостоятельный?

– Чердак у него варит, задумал он один гешефт. Он в зоне время даром не терял – стукачи стукачами, он еще типа образованием занимался.

– В биб..., библи..., – кого-то попытался скопировать Гера, – библиотеке штаны протирал?

Вальтер нахмурился, сухим голосом сказал:

– Говоришь много.

С лица верзилы сползла улыбка, челюсти сомкнулись, глаза превратились в два оловянных шарика. Выражение преданного солдата «Виноват, исправлюсь!»

– Не в библиотеке, – уже прежним голосом продолжил Вальтер, – тогда мобилы пошли. Время от времени вертухаи, конечно, их отбирали при шмоне, но, сам знаешь, отстегивай долю – живи в волю. О, – Вальтер улыбнулся, – зацени, как сказал. Так вот, Махновец с интернета накачает всякого добра, потом читает по ночам с телефона. А что ему еще делать было? Удовольствий никаких – петухами брезговал, не дробил принципиально, чефирить не научился. Жрать ничего нельзя! Получит посылку от матери, в глазах такая ненависть! К тому, кто его под скальпель положил. После операции ему такую диету прописали, хоть в гроб сразу со скуки. Он из посылки копченую колбасу достанет, кусочек с почтовую марку отрежет, пожует – вот и все удовольствие.

Вальтер повел носом, словно сомневаясь, говорить, нет.

– Так он на книжки и меня подсадил. А сам он не только Ленина с Бакуниным читал, а еще кодексы всякие – уголовный, процессуальный, короче, все что нужно, чтобы срок скостили.

– На УДО ... – презрительно скривил губы верзила. – Не по-пацански!

– Гера, Гера. – вздохнул Вальтер. – Молодой ты. А махновец в один момент понял, надо побыстрее выйти – время идет, не он, так мент, что его пытал, сам подойдет. Может, и в самом деле с головой у него того. – Вальтер покрутил пальцем у виска. – На почве мести.

– Короче, стал он писать заявки прокурорам, согласился показания дать, перестал в молчанку играть. Много, правда, не добился, на полгода всего скостили, и то под конец срока.

Махно вышел от Вальтера. Прошел по влажному гравию до ворот, щелкнул магнитный замок, калитка открылась. Махно поднял руку в прощальном жесте. Видеокамера на воротах чуть наклонилась. Махно был уверен, именно Гера следит в монитор за его уходом.

Солнце закрыли облака, день стал привычно серым, а воздух сырым. Боль возвращалась, до места, где оставил автомобиль, два поворота по грязному тротуару.

Мигнули лампы, сработал центральный замок, Махно сел в Фольксваген. Дверь мягко захлопнулась, отсекая звуки улицы, аж барабанные перепонки сдавило. Махно никак не мог привыкнуть к комфорту. Злился на себя. Ему претила радость обладания обыкновенными по сути железками, и в то же время признавал удобство, замечательный обзор, мощность и плавность хода.

Автомобиль подогнал Сергей. Требования Махно предъявил такие: подержанная, без понтов, но надежная, чтобы не думать о ремонте в ближайший год. С мощным мотором и маневренная в движении по городу. И с удобными креслами. Махно предполагал, что в машине придется проводить много времени. Сергей полазил по объявлениям, поездил на просмотры и подогнал Фольксваген Поло. Сравнить было не с чем, но Махно автомобиль понравился. Водительское удостоверение, как Артем и говорил, никакого труда купить не составило. Вадиму временами хотелось пожечь резину, почувствовать, как вдавливают в кресло, но он контролировал эмоции. Высшая радость – смерть врага, а до этого еще далеко. Пока он водил так, чтобы не светится в гаишных протоколах.

Боль наполняла тело. Махно принял две таблетки солпадеина. Его действие в лучшем случае наступит через 15-20 минут. Вальтер предлагал обезболивающее по сильнее еще на зоне, но Махно с кривой усмешкой отказывался от героина: «Благодарствую, Валера, я свободным человеком хочу быть». Щелкнул ремень безопасности, ключ провернулся, дрогнули стрелки, запел двигатель. Махно включил ближний свет и обогрев, двинул рычаг, немецкий автомобиль легко вклинился в поток.

Махно вертел головой, вглядываясь в названия улиц. Положить деньги на полученные номера для параноика не такая простая задача. «Не усложняй. – говорил себе Махно и вспоминал: – Просто только кошки детей делают». Махно впитывал информацию от каждого зэка, как и на чем он спалился. «Лоха развел по телефону, «бабки» на счет пришли, а в терминалах

видеокамеры – в своем-то я рукой закрыл, а про те, что под потолком забыл. Голову поднял и опаньки. Мне мусор потом хвастал, как узнал по видео...» Сколько хранится запись, Махно не знал, но вряд ли больше месяца, так что время есть.

Махно остановился у супермаркета. Нашел терминал, перевел на один номер тысячу, на другой сто рублей. Заодно купил минеральной воды.

Стал накрапывать дождь со снегом, Махно сел в прогретый салон, с заднего сиденья достал термическую сумку с запасом питания. Тщательно пережевывая, съел пресную котлету из говядины. Иногда Махно казалось, что вкусовые рецепторы давно атрофировались за ненужностью. Почти двадцать лет на языке не было ни острого, ни соленого, ни копченого. Первое время после операции Махно смотрел на людей с нормальным пищеварением как на врагов. Передачи – праздник в камере. Только не для Вадима Нестерова. Сокамерник кусает зернистый сервелат, губы жирные, глаза счастливые. Так бы и воткнул в глотку всю палку. Потом успокоился, мать привыкла к его рациону, скорректировала передачи. Сейчас на воле приятнее, можно приготовить что-то похожее на человеческую еду.

Махно вытер руки салфеткой, пачку вернул в бардачок, достал оттуда планшет. Как и говорил Артем, в изучении интернета сложностей не возникло, тем более какой-то опыт имелся. Все доступно и понятно, слава Микрософту. С самого начала Махно поразился, сколько информации криминального характера можно вычерпать из сети. А социальные сети! Это просто праздник какой-то. Миллионы людей – рабов тщеславия, выкладывают личную информацию. Вот я какой (какая)! – и фотографии во всех ракурсах, в узнаваемых местах, в одежде и ню, с родными и друзьями. А еще так просто оказалось вести диалоги, поставив на аватар чужую фотографию. Главное – побольше смайликов и эмоций, если пишешь от имени Анжелы, и побольше понтов, если от Никиты.

Махно вставил новую сим-карту в планшет. Вышел в сеть с помощью Гугла. Набрал фамилию, город. Следы этого человека нужно искать без помощи уголовников. Знают двое, знает полиция.

«Извини, убегаю на тренировку, спишемся вечером)»

«Тренируешься? Здорово! Я сразу поняла, ты спортсмен!) А чем занимаешься?»

Олег посмотрел на свой бицепс, напряг мышцу, губы сами полезли к ушам. Чтобы ни говорили интернетные воины, мускулы не оставляют девушек равнодушными. Нужно еще фотографий на стену прикрепить.

«Культуризмом». Вот так – коротко, солидно.

«Ой! Это штанги, гантели и гири? Круто!)) а где занимаешься?»

«А ты разбираешься.) только гирь у нас нет – это другой спорт.) Занимаюсь в «Арене». Опаздываю на тренировку))»

«Разбираюсь! Я тоже спортсменка))) ты до сколько занимаешься? У вас девушки на занятиях есть?))))) принимаете?)))))»

Олег посмотрел на фото собеседницы. Интересно, какой у нее рост? Судя по ограждению набережной, небольшой. С другой стороны, сейчас полно пар, где девушка выше парня.

«Девушки занимаются. Принимаем только красивых))))) Тебя примем)) я занимаюсь до 20-00. может встретимся после тренировки?» Ентер.

«может быть))) давай, беги, спишемся после 20-00))»

вот так, «спишемся». Олег посмотрел на часы. 18-15. плюс дорога. Опаздывает.

«Напиши телефон, созвонимся)) мой номер ...»

«Какой хитренький!)) Пока*)))»

Как в доисторическом анекдоте: снова проклятая неизвестность! Хотя чего удивляться? Как прикрепил фотографию с голым торсом, стал от девушек сообщения получать. Но от такой красивой – голубоглазой, длинноволосой, улыбается как Кайли Миног в старых клипах. От

такой впервые. 17 лет, ровесница, фигурка модельная. Какой же у нее рост? Хорошо бы как у Кайли. Сама предложила познакомиться, а теперь «Пока».

Олег свернул браузер, закрыл ноутбук. В мобиле тоже «Вконтакте» есть, после тренировки можно сразу списаться, если не позвонит.

Олег быстро оделся, схватил сумку с формой, чуть помедлил и поменял полотенце на новое, добавил гель для душа. Достал телефон. Проворно набрал: «мам, я в зал, если задержусь, не волнуйся». Отправить.

Мало ли, а вдруг позвонит, и свидание состоится.

Кое-где проклюнулась трава, крохотные листики показались из почек, световой день стал заметно длиннее и теплее. А вот ночь еще напоминала о зиме.

Олег ускоренным шагом добрался до спортзала, вспотел. С другой стороны время на разминку можно сократить.

Тренировка прошла плохо. Олег не мог сосредоточиться, торопился сделать очередной подход, веса ставил больше обычного. Пытался обмануть себя – меньше повторений, быстрее закончится упражнение. Намного раньше обычного, в 19-30, сделал скручивания, затем по двадцать подтягиваний для растяжки позвоночника. Душ, волосы короткие, вытер полотенцем и почти сухие. Две минуты на переодевание, в 19-58 Олег выходил из дверей спорткомплекса «Арена». На парковочной площадке автомобили ждали хозяев, которые не ждали сообщений в 20-00.

Апрельский ветер холодной лапой шевелил влажные волосы, Олег шел между рядами автомобиле, в руке светился телефон, палец листал приложения.

– Эй, шкет, иди сюда!

Олег удивленно оглянулся. Скорее всего, обращались к кому-то другому. А чего обращивался. Олег успел разозлиться, но понял, обращались к нему. Потому что за спиной только два огонька сигарет в зубах явно криминальных типов. Они шли рядом. Один под два метра с челюстью на километр вперед, второй – квадратный в кепке, но к нему тоже обращение «шкет» не подходит. Шкет здесь мог быть только один. И этот шкет почувствовал, как сердце упало на желудок. Олег смотрел на приближающихся гопников, время замедлилось, в голове мысли спотыкались одна на другую. Бежать. Значит, трус. А сопротивляться двум отморозкам и получить люлей, и все равно лишиться ценностей – это храбрость. Лишиться материальных ценностей – это одно, лишиться моральных – другое. Драться Олегу приходилось, но с ровесниками, со знакомыми людьми. Которые так же как и он не ударят ниже пояса, не сломают челюсть, не будут бить лежащего. А сейчас явно другой случай.

– Закурить есть?

Как банально. А может обойдется, и парни в самом деле скурили последние сигареты. В ухе зазвенело. Не обойдется. «Челюсть» ударил без замаха, ладонь у него деревянная. Олег почувствовал растущий жар на левой стороне лица. Проскочила мысль: хорошо не позвонила, какое свидание с красной щекой и малиновым ухом.

– Не куришь – спортсмен. Баскетболист?

Квадратный заржал.

– Мобилу гони, шкет. И в бегуны записывайся.

Олег не чувствовал боли, страх отступил на второй план. Слезы в глазах навернулись от обиды. И снова ступор. Снова размышления. Ударить со всей силы длинному в пах, а там что будет. Ударить и бежать, что еще придумать?

– Ты чё опять замерз? Телефон гони и вали отсюда!

«Челюсть» замахнулся.

Слева от нападавшего мелькнула тень. Послышался четкий удар. Челюсть всхрипнул и завалился на бок.

Олег сморгнул, зрение прояснилось. Мужчина ростом не выше Олега и совсем не геройского телосложения стоял напротив Квадратного. У спасителя что-то щелкнуло в руке, сверкнула сталь. Мужчина быстро пошел вперед. Гопник или не стал рассуждать или мыслительные процессы у него протекли быстрее Олеговых, он повернулся и резво дал деру. Две секунды и Квадрат растворилась в темноте.

У ног Олега гигантским червем извивался Челюсть. Он прижимал ладонь к ребрам, Олег с ужасом думал, что стал участником поножовщины, однако крови не видел.

К «червью» склонился спаситель.

– Жить будет.

Тихо добавил:

– Артист.

Лезвие в руке с щелчком спряталось, теперь Олег разглядел на пальцах подобие кастета.

– А ты чего замерз? – услышал Олег. – Пошли, пока народ не сбежался. Или ты в полицию собрался заявить?

Мужчина убрал оружие в карман. Стоял и смотрел серо-синими как лед глазами.

Никуда заявлять Олег не собирался.

– Спасибо.

– Не за что. Идем, своего ничего здесь не оставил? – мужчина показал на место происшествия.

Олег подобрал сумку, помотал головой.

– Я в сторону Ключей еду, подброшу, если по пути.

– Спасибо, я сам доберусь.

– Как хочешь. – мужчина, казалось, обиделся. – К уху компресс приложи – светится как гирлянда.

– Вы с этим не поможете? С компрессом? – Олег подумал о матери.

– У меня в багажнике сухой лед, марлевые тампоны и волшебная мазь. – усмехнулся мужчина.

– Поехали, придумаем что-нибудь.

– Меня Вадим зовут. – представился спаситель, когда они сели в теплый салон Фольксвагена.

– Олег.

– С тренировки? Чем занимаешься?

– Да так.

– Качаешься. По фигуре заметно. Я и вмешался, потому что ты меня двадцать лет назад напомнил.

Он крутанул рулем, резко перестроился, умудрившись никого не подрезать.

– Ты сейчас много думал, а рассуждать в критической ситуации опасно для здоровья.

Олег быстро посмотрел на водителя. Фары встречного автомобиля высветили жесткие складки у рта, твердый подбородок. Вадим выглядел лет на 35.

– Тоже занимался всерьез. Тогда думал, красивое тело, красивый дух. Не знаю, как ты, я от неуверенности в себе качался, хотел быть большим, раз высоким не получалось. Признания хотел, девчонкам нравится. А выяснилось, не уважать, завидовать будут. Потому что в бодибилдинге агрессии нет. Любительский бодибилдинг это здоровье, дисциплина и зависть окружающих лиц мужского пола. А девчонкам, как подрастут, больше другое в мужчинах нравится. Толщина кошелька, например. Признание! Тьфу! Перед кем его заслуживать?

Олег смотрел вперед, в лобовом стекле временами наплывало отражение. Короткие волосы, широкий лоб, рельефные скулы, мощная шея. Культурист! С распухшим ухом!

Вадим не останавливался:

– Сейчас понимаю – начал слишком рано, рост остановил. Когда кость растет, с тяжестями надо меру знать. В 23 года в аварию попал. Внутреннее кровотечение, ушиб мозга. Селезенку вырезали, желудок покромсали, еле выкарабкался. О железе пришлось забыть. Зато понял: тело – оболочка. Если надо выжить – выживешь! Главное, чтобы голова на месте оставалась. Дух! Он первичней материи. Это же очевидно. Какой у тебя дух, таким и тело станет. В спортзал я хожу сейчас натурально груши околачивать – другим, так сказать, спортом занимаюсь. А вот и склад медикаментов.

Вадим крутанул руль, черный Фольксваген разбавил зелень аптечной витрины.

– Тебе понадобится троксевазин или бадяга. Есть деньги?

– Вы и деньги спасенным даете? Аттракцион щедрости? – Олег разозлился на благотворительность.

– Я бы мог, парень, сумничать, типа, мы в ответе и так далее, – Вадим развернулся в кресле. Олегу показалось, зрачки благотворителя вращаются в шариках ртути.

– Это реальность – без денег ты ничто. Глупо привозить тебя к аптеке, если ты не в состоянии купить лекарство. И еще: я инструктор по рукопашному бою, тренирую индивидуально и за деньги. На всякий случай оставлю телефон, понадобится, звони.

Олег медленно повернул ключ, тихо вошел в квартиру.

– Олег?

А кто же еще?

– Нет, мам, это воры! – в сотый раз пошутил Олег.

– Почему воры задержались сегодня?

Олег включил свет в коридоре, начал раздеваться.

– Я же предупредил, что задержусь.

– Я очень благодарна за предупреждение.

Из комнаты вышла молодая женщина, на ее лице гуляла улыбка.

Олег гордился мамой. В свои 42 она выглядела на 42. Только не отечественным, а по голливудским стандартам. Не расплылась, не обабилась. Занималась в том же спорткомплексе «Арена», плавала, каталась на велосипеде. Вдвоем их принимали за брата и сестру. Мама и вела себя как старшая сестра, за что Олег стал особенно благодарен в последнее время. С возрастом Олег заужавал маму еще за то, что не обременяла своей личной жизнью. Раз или два в неделю она не ночевала дома, ездила отдыхать в компании одного и того же мужчины. Олегу было известно его имя и фамилия, из разговоров по телефону понял, что они работают вместе.

– Все в порядке?

– Да, более чем.

Олег заметил, мама посмотрела внимательнее.

– Приготовила мясо, сам сообразишь ужин?

– Само собой, спасибо.

Не переодеваясь, Олег открыл ноутбук. На его странице новое сообщение.

«Привет Олег. Не хочу, чтобы тебе было потом больно. Ты очень милый, но мне, видимо, уже нужны более серьезные отношения, а они подразумевают, как бы это назвать, определенный уровень обеспеченности. А тебе ведь за мускулы не платят.)) и мускулы без головы, если честно, ничего не значат.)) прости, но встречаться с тобой я пока не готова.((Извини».

3

День Победы менеджер Коля Шиханихин отметил с размахом. С утра прокатил жену по магазинам. Закупили водочки, закуски. Спасибо деду за Победу!

Два дня Коля давил фашистскую гадину вместе с героями телесериалов. Аж голова заболела. Утром третьего на работу, а изо рта боевой выхлоп. «Я же русский!» – не вдаваясь в этимологию фамилии, убедил себя Коля. Полагаясь на авось и георгиевскую ленту на антенне, погнал свой Опель в контору.

– Коля, на тебе лица нет! – вместо приветствия закричал сетевой администратор Дамир Гибадуллин. – Одна морда!

– На свою посмотри.– огрызнулся Коля и глянул в зеркало над рабочим столом. Оттуда смотрела щекастая физия, глаза прятались в складках, нос бугорками, губы пельменями. Ничо, отгхнет, подумал Коля оптимистически, день Победы раз в году, не едалом же торгую.

– Босс не спрашивал? – Николай сел за стол, включил компьютер.

– Звонил, приказал работать и работать. Судя по голосу, его морда пошире твоей будет.

– Иди в жопу.

Комп загрузился, Коля дрожащей рукой взял мышку. Стрелка попала на значок «В сети», менеджер Николай поприветствовал потенциальных покупателей.

– Решили как-то мозг, руки и жопа выбрать себе начальника, – Дамир, как обычно, развлекал коллег анекдотами. – Мозг говорит: я самый умный, я буду начальником! Руки говорят: зато я все делать умею, нас надо начальником поставить! Тут жопа голос подает: лучше я буду начальником. Мозг и руки чуть со смеху не упали: какой из тебя начальник, ты не думать, не работать не приспособлена! Жопа обиделась и заткнулась.

Дамир замолчал, коллектив в предвкушении оторвался от мониторов.

– И ты заткнулся. Какое совпадение. – съязвил Коля.

Покосившись, Гибадуллин продолжил:

– Не выходят из жопы продукты жизнедеятельности, сначала мозг погрустнел, затем руки силу потеряли. Мозг с руками посоветовались и поставили жопу начальником.

– И?

– Отсюда вывод, – сощурил глазки Дамир, – любая жопа может быть боссом.

Коллектив аккуратно рассмеялся.

– Но не каждый босс должен быть жопой. – сгладил анекдот хитрый татарин.

На Колином мониторе с чпоканьем всплыло облачко с сообщением: «Куплю тонну калиевой селитры, проясните способ оплаты и условия доставки».

Наконец-то, обрадовался Коля, день начинается с продажи. Менеджер набил ответ, посмотрел на экран перед тем, как нажать Ввод. «Тонна калиевой селитры в нашем интернет-магазине стоит 50 000 рублей. Транспортную компанию вы можете выбрать сами. Если воспользуетесь нашими услугами, отправление железнодорожным транспортом в ваш город обойдется еще в 15 000 рублей. Предоплата 100 процентов. С уважением, ваш менеджер Николай». Что за хрень – вместо «ваш менеджер Николай» – «ваш торгош Коля Свинорылов».

Молекулы спирта обнимались с кровяными тельцами, смесь взбурлила, Николай заревел:

– Эй, гиббон, – самая обидная кличка админа-татарина, – иди сюда! Ты чё мне с компом сделал?

Лицо Гибадуллина в миг стало бледным, едва заметный шрам на щеке превратился в рубец.

– Что случилось, Коля?

Дамир подошел, склонился над Колиным плечом.

– Это чё? – Коля ткнул сосискообразным пальцем в монитор.

– Здравствуй, тетя, новый год! Я то тут при чем?

– Ты мне на той неделе в Ворде что-то там в автозамене намудрил!

«Что-то» Коля не озвучил, злокозненный админ на слово «рублей» поставил «евро», чем сорвал несколько договоров, что в свою очередь вызвало недовольство босса.

– То в Ворде, а здесь сетевая прога. Скорее вирус к тебе залез. Ни при чем я, богом клянусь! – Дамир перекрестился.

– Ты аллахом своим поклянись! – заметил жест Коля. – Иди, делай, иначе вирус тебе в одно место залезет!

– Ты меня пугаешь, Коля, как латентный гомосек говоришь, честное слово!

– Чё ты сказал? – Коля привстал. – Я латентный?

– Спокойно, – Дамир положил руку на плечо менеджера, – давай посмотрим, что у тебя. Гибадуллин присмотрелся к сообщению.

– Попы ваши сельским хозяйством решили заняться? Все правильно, раз больше некому. – приговаривая, админ жал на клавиши.

– Вот, пока заменим «менеджер» на «торговый агент», а «Николай» на «Шиханихин» – солидно и просто. Можешь отправлять.

Коля нажал «Ввод», сообщение об условиях приобретения калиевой селитры полетело на адрес «[битая ссылка] blagovest[битая ссылка] @[битая ссылка] mail.[битая ссылка] ru».

– Это он!

В серой дали зачернела фигура.

– Где? – закрутил головой Караваев. – С чего ты взял? До мужика километр, одет как все – черные штаны, черная куртка.

Они сидели в машине неизвестной марки с приоткрытыми стеклами.

– Тихо! – прошептал Дмитрий. – Смотри, как идет.

– Двумя ногами.

– Правой ногой стопой внутрь шагает. Не видишь?

Каравай нахмурился.

– Берем?

– И что дальше? Чем доказывать будем? Он же сзади напал, бил по голове. Бабульки подслеповатые, следователи наши, не заморачиваясь, в протоколе допроса как под копирку – «опознать не смогу». С удовольствием баранок навешали.

– Что предлагаешь? С поличным хрен возьмешь! – Караваев раздул ноздри.

– Не знаю, думать надо.

– Пока ты думать будешь, он еще кучу старух вальнет! – Караваев ударил напарника в плечо.

Кабанов проснулся от толчка. Глаза открылись, зрительные нервы еще прогревались, а мозг уже расшифровал колебания барабанных перепонок. Кричал Гоша.

– Тревога. – простонала жена.

– Кать, ты же мать. – привычно взмолился Кабанов.

– Дим, ты невыносим. – Катька варьировала ответы даже спросоня. Она повернулась спиной и натянула одеяло на голову. Очередь действовать по тревоге была мужнина.

– Только бы тревога не оранжевого цвета.

– Угу. – голос из-под одеяла прозвучал несколько саркастично.

Дмитрий потянул носом, сарказм объяснился – тревога именно того самого цвета.

На часах горели цифры 05-35, уже светало. Дмитрий встал с постели, кряхтя, сделал два шага к детской кровати. Гоша посмотрел на отца, умолкнув на секунду, видимо подумал, что его могут не понять, закричал сильнее.

– Что, академик Какашкин, – склонился отец к сыну, – не нравится так жить? Это ты в своем пока дерьме купаешься, и то не доволен.

Дмитрий разговаривал с сыном по-взрослому с их первой встречи в роддоме. Гоша внимал отцу очень серьезно, был то академиком, то деятелем разнообразных наук, то главнокомандующим.

– Пойдем, сынок, в операционную, чтобы маманьку не будить, – Дмитрий обернулся к жене и чуть повысил голос, – ей скоро на смену заступать.

Придерживая голову, Дмитрий поднял маленького человечка и, задержав дыхание, понес в другую комнату.

После рождения ребенка спальня превратилась в многофункциональное помещение. Кровать теперь находилась в одном углу, штанга с гантелями – в другом, в третьем находился стол, на котором производились операции по замене памперсов. Во время некоторых операций, когда у мелкого пациента возникали проблемы с кишечником, Дмитрий серьезно подумывал об использовании противогаса. Катя идею не одобрила: «Привыкнет к отцу-слоненку, в Маугли превратится».

Гоша обрел новый подгузник, нахмурился и строго посмотрел на отца.

– Понимаю, свято место не должно пустовать.

Дмитрий понес сына на кухню.

– Сейчас, сейчас. – приговаривал, покачивая сына.

Одной рукой открыл крышку термоса – приспособился, налил в бутылочку сколько положено. Пока наливал, стало ясно, вода остыла. Добавил порцию Нутрилона, закрутил крышку с соском, поставил под горячую воду. Сколько держать до нужной температуры, знал с точностью до секунды – внутренние часы не подводили.

Гошин живот наполнился, ребенок зачмокал. Дмитрий взял сына столбичком, подошел к окну. Утро, рассеянный свет, редкие прохожие. Дмитрий качал сына и разъяснял момент:

– Папка твой сейчас на работу пойдет. Развозить дяденек и тетенок на их работу. А их там ждут начальники: это такие люди, которые сами работать не любят, а вот покомандовать им как тебе нутрилон с медом. В нормальных странах начальники те, кто думает лучше, а у нас – в Азии, географию мы потом обсудим, – кто лучше попы подтирает. Только не как я тебе, а языком. Это я фигурально выражаюсь, не бойся. У папки раньше другая работа была – очень важная и нужная. Папка жуликов ловил. Не так как в кино, а по-настоящему. Только не угодил папка начальнику, видишь ли, самостоятельность мышления иметь позволил. А в каждом коллективе имеются стукачки. Это, Гоша, такие люди, которые рассказывают начальникам, чем подчиненные дышат, о чем думают, что делают. Стукачки, сынок, они тоже разные бывают. Есть те, которые помогают со злом бороться, есть те, которых заставили предавать чужого человека, угрожая близкому. А есть такие, которые на товарищей стучат за выгоду предполагаемую или совсем уж из удовольствия. Вот такой стукачок рассказал начальнику, что папка о его профессиональных способностях думает, и папка работы любимой лишился. Теперь папка таксует и в частные детективы играет. Только из клиентов пока один дружок-полицейский. А у него и бюджет ограничен и информация его интересует в пределах района. Кроме дяди Каравая никто не звонит, никого услуги бывшего опера не интересуют. А папка скучает по той работе, сны ему снятся.

Дмитрий скосил глаза на сына.

– Заснул? Молодец. Видишь, какие занимательные сказки я тебе рассказываю.

Сказочник отнес сына в кроватку. У самого глаза как оловянные, доспать бы часок.

– Кать, бди. Я пошел.

– Бдю, солнышко. – из-под одеяла.

Нас утро встречает прохладой. Дмитрий вышел из подъезда, глотнул свежий воздух. Он умылся, во рту еще сохранялся вкус кофе – жизнь не такая плохая штука. На дворе май и трава, в воздухе птицы...

– И здесь как всегда! – Дмитрий подошел к машине, лобовое стекло украшала характерная клякса.

– Академики с крыльями.

Дмитрий очистил автомобиль от «академических» эскриментов, по смартфону подтвердил готовность – еще один официально безработный превратился в таксиста.

С прежней работы на память Дмитрий оставил рацию, настройки не сбивал и слушал временами знакомые команды и позывные.

К полудню заказы, как обычно, становились редкостью, Дмитрий, откинув сиденье, дремал в машине. В кармане задрожал телефон. Жена.

– Привет. Звонила некая Елена, хочет нанять тебя для одного дела. – услышал Дмитрий. Наконец то! Дмитрий сел, сна как не бывало.

– Спросила, какого?

– Спросила. С сыном, говорит, проблемы. Какие, не уточнила.

– Сколько лет сыну?

– Сказала семнадцать. Знаешь, Дима, я не очень хочу, чтобы ты с ней встречался.

– Это еще почему?

– Потому. Зря я тебе позвонила.

– Ты что, ревнуешь?

– Мужа у нее нет, это понятно, голос уж больно... – Дмитрий представил как Катя поджимает губы.

– Какой? – с улыбкой в голосе поинтересовался Дмитрий.

– Такой! Сейчас сброшу телефон, сам услышишь, только смотри у меня!

– Яволь!

– И перед встречей домой заедь, переоденешься.

В парк имени Щорса Дмитрий приехал заранее. Место встречи назначил он, клиентке парк был знаком. Разговаривая по телефону, Дмитрий понял, почему жена не пришла в восторг от первого клиента. Голос Елены можно было назвать одним словом – сексуальный. Елена говорила строго по делу, но с таким придыханием, что легко было навоображать всякого.

Дмитрий угадал клиентку сразу, дедуктивных способностей не потребовалось. По парку в это время мамы катали коляски, пенсионеры вентилировали легкие, неспешно мели дорожки гастарбайтеры. На площадке перед «чертовым колесом» стояла женщина, не вписывающаяся в картину. Строгая блузка, юбка чуть выше колен, сумочка через плечо. Бизнес-леди? Холеная, знающая цену себе и окружающим самцам. Дмитрий относился к таким женщинам противоречиво. Склонные к доминированию, с одной стороны вызывающие уважение, с другой лично у Дмитрия – сочувствие. Женщина становится сильной, когда у нее нет сильного мужчины.

– Здравствуйте, Елена.

Даже если ошибся, ничего не терял.

Женщина посмотрела прямо в глаза, будто морской волной окатила. Если бизнес-леди, то такому бизнесу повезло. Невысокая, чуть выше Кати, блондинка, причем натуральная – брови и кожа светлые. Лицо овальное, прямой пробор в волосах, толстая коса по-модному на левую сторону. Нос чуть вздернутый, тонкий, с аккуратными ноздрями. Широко распахнутые голубые глаза. Невольно сравнил с глазами жены. У Кати синева родной реки, у визави лазурь экзотических морей. И запах от Елены другой – дорогой. «Прекращай сравнивать, приказал себе Дмитрий, думай головой».

– Здравствуйте, Дмитрий.

Дмитрий представил, каким видит его клиентка. Среднего роста, все еще спортивного телосложения, прическа «без расчески», жесткие складки у рта, алкоголь и табакокурение на лице не наследили. Вполне. А вот по одежде женщина может сделать неверные выводы об умственных способностях. Детектив был одет совсем уж просто: джинсы, майка, рубашка-гавайка.

– Присядем?

– Лучше пройдемся.

– Дмитрий, нельзя ли мне взглянуть на ваши документы? У вас ведь должно быть удостоверение.

– Вы знаете, как должно выглядеть удостоверение частного детектива?

– Нет, но я могу определить качество печатей и записать номер.

– Понимаю, доверять свои проблемы незнакомцу неразумно. Паспорт. В нем удостоверения на медали – за 15 лет службы в уголовном розыске. В качестве доказательства моей компетентности. Удостоверения частного детектива пока не получил – бюрократия. – Дмитрию пришлось слукавить. – Зато вы будете платить по факту. За результат, так сказать.

– Меня зовут Елена Валерьевна Логинова. Моему сыну Олегу 17 лет, он учится на 2 курсе химико-технологического техникума. Мы живем вдвоем по адресу: Солнечная 17 – 43. Квартира трехкомнатная, у сына своя комната, разумеется. Олегу еще не было двух лет, когда я развелась с его отцом. Мы жили в Пензе. Евгений, отец Олега, возможно, и сейчас там живет. Я не поддерживаю с ним связь. Четыре года назад у меня заболела мама, и мы с Олегом переехали сюда. Думали временно. После смерти мамы решили остаться.

Еще месяц назад Олег был добрым, жизнерадостным мальчишкой. Занимался в тренажерном зале, в «Арене», знаете такой?

Дмитрий кивнул.

– Много времени проводил в интернете, общался в сетях. Иногда, конечно, просил не подглядывать в монитор, но каких-то тайн, я думаю, не было. Он мало что от меня скрывал.

– Откуда вы знаете?

– По его вопросам. Олег спрашивал, как себя вести с девушками и все такое. Я ему как старшая сестра была.

– А сейчас?

– Не знаю. В таком статусе я себя только в кошмарах представляла. Нет, Олег не грубит, не игнорирует меня, продолжает хорошо учиться, занимается спортом, ночует дома.

– Так что же вас не устраивает, Елена Валерьевна?

– Первые изменения, как я сейчас понимаю, начались месяц назад. Олег перестал заниматься тяжестями. Я это только приветствовала. Он у меня небольшого роста, ему вырасти надо. Но теперь у него на кулаках появились ссадины, иногда синяки на лице. Сказал, занимается в секции единоборств.

– Опять не понимаю, простите. Если бы дрался на улице, думаю, вы бы поняли.

– Думаю, да. Но он занимается не в «Арене», а там лучшие секции.

– Это они сами про себя так говорят. Чем еще сын беспокоит?

– Он другим стал, понимаете! Разговаривает со мной только по делу, дверь в комнату всегда закрыта, на ноутбуке пароль.

– Влюбился может быть? – улыбнулся Дмитрий.

– Я бы почувствовала.

Логинова остановилась, посмотрела Кабанову в лицо.

– Вы считаете меня неумной? Истеричной мамашей, которая не видит взросление сына?

Дмитрий выдержал взгляд:

– Я не считаю вас неумной.

– Господин Кабанов, я нанимаю вас с единственной целью – выяснить, чем занимается мой сын. Если мои опасения окажутся беспочвенными, я буду очень рада.

– Госпожа Логинова, я понимаю ваше состояние. Позвольте мне спрашивать то, что сочту нужным, если хотите получить результат.

Женщина отвела взгляд.

– Спрашивайте.

– Наркотики?

– Нет! Во всяком случае очень надеюсь. Я первым делом узнала признаки, которые выдают таких людей. У Олега ничего подобного.

– Одно время модно было быть скинхедом. Как у Олега с политическими взглядами?

– Абсолютно никак. Никогда не слышала, чтобы ему что-то не нравилось.

Они не спеша прошли через весь парк и обратно, когда Дмитрий получил ответы на все вопросы.

– Встретился с Еленой? – Катя вышла из комнаты с сыном на руках.

– Угу.

– Что-то, Гоша, папа у нас неразговорчивый и сияет как пряник.

– Так первый клиент, Гоша, первое задание.

– И как клиент? – прищурилась жена.

– Я думал первый вопрос будет «и какое задание».

– Какой клиент, такое и задание.

– Здесь ты не ошиблась. Клиент обеспокоен поведением сына. Я подписался пошпионить за семнадцатилетним парнягой. Дел на копейку.

– О семье бы подумал «на копейку».

– Неправильно выразился – дел на полдня.

– А ты не торопись или оплата по факту.

– По факту и без аванса, я взял только на расходы.

– Не сомневалась. Папа у тебя, Гоша, честный и щепетильный.

– И деловой. Не будем терять время, пошли к ноутбуку.

Они прошли в многофункциональное помещение, Дмитрий сел за стол.

– Для начала поищем заказчика.

Дмитрий набрал в Гугле фамилию, имя, город. Клиент сразу нашелся в «Одноклассниках». В гости Кабанов зашел под вымышленным именем.

– Ты хотела на клиента посмотреть.

– Елена Логинова. Ей уже под полтинник. – Катя хмыкнула. – Для старушки неплохо сохранилась.

– Ей 42 всего.

– Защитник нашелся. Видишь, Гоша, папе старушки нравятся.

– Теперь поищем Олега. – не обращая внимания, продолжал Дмитрий.

– Хм. Смотри, Логиновых Олегов подходящего возраста двое. Оба в «Контакте». Автарар – скелет с поднятым средним пальцем, вернее фалангой. Мол, вот вам, господа хорошие, а не фотографии. Друзей нет, в группах не состоит. А месяц назад, по словам матери, из «контакта» не вылезил.

– В секту попал?

– Вполне вероятно. В секту с рукопашным уклоном.

– Вот говорят спортивная злость. Херня! Есть просто злость. Злость, воля и сила – все, что нужно воину.

Они стояли напротив друг друга, мускулы блестели от пота, кулаки обмотаны бинтами. Стойка напоминал боксерскую. Слова отражались от кирпичных стен, эхо добавляло мрачности и без того скудно освещенному подземелью.

– Не злость – злоба! Животная злоба. Люди – это животные в первую очередь. И как животные в первую очередь воспринимают физическое воздействие. Но побеждает не тот, кто больше, у кого сильнее мускулатура, а тот, кто злее. Здесь все просто. Чем больше злоба, тем больше энергии, ниже болевой порог и, как следствие, утрата последнего страха. Бояться все, даже сумасшедшие. И даже сумасшедшие животным чутьем могут определить степень злобы. Подсознательно человек помнит смертельную опасность, исходящую от врага, которому нечего терять, злоба которого больше собственной жизни.

Махно выбросил руку, Олег не успел отклониться, челюсть встретилась с кулаком. Махно лишь обозначил удар.

– Отсюда и следует, слабого не будут уважать, уважают только того кого боятся на животном уровне. Если тот же начальник, слабый физически, но обладающий административным воздействием, попадет, скажем, на необитаемый остров с более сильным ранее подчиненным, уважение он может сразу засунуть себе в анус. Хорошо, если только это самое абстрактное уважение. Более того – человек животное стадное или, как выражаются интеллигенты, общественное. Одиночкой выжить трудно. Одиночек не любят. Ты не такой как мы, значит, несешь угрозу. Если ты не делаешь, как мы, значит, можешь обойтись без нас, значит, сильнее, значит, опаснее. Мы готовы тебя уважать, если докажешь силу. А если ты пренебрегаешь показывать силу, значит, ты слаб и ты нам не нужен. А чтобы ты не занимал место и не посягал на нашу часть пирога, тебя надо уничтожить.

Махно говорил, уклоняясь и блокируя удары. Олег слушал и искал возможность пробить оборону.

– Самая искренняя радость – это злорадство. Как дела? Всегда отвечай отлично! Ты жалуешься на невзгоды, ищешь сочувствия. Задайся целью зачем? Чем сочувствие, то есть чувство, которое ничего не стоит для сочувствующего, может тебе помочь? Моральная поддержка? Нет, это твои похороны. Ты всегда один при рождении и при смерти. Расхожая мысль, но тем не менее абсолютно верная. Единственно, у кого можно искать сочувствие, у родных, близких родных, хромосомы которых соединились в твоём организме. Остальным твоё несчастье – развлечение.

Они кружили по комнате, бинты пропитались потом и кровью.

– «Мы» – слово рабов. Мы – всегда быдло. Неважно мы – это солдаты, зэки полудохлые или щекастые депутаты. Быдло интересуется только удовольствия – пожрать, выпить, спариться. Мы! Чем ничтожней единица, тем сильнее она кричит «Мы!». Мы наш новый! – кричит быдло и штурмует Зимний. Быдлу нужен образ врага, тогда они – мы, и все вместе получают удовольствие от разрушения, даже от разрушения собственной оболочки. На виду и смерть красна – из той же оперы. Мы – они считают, что вместе они сила, и в тоже время – веди нас, господин. Не бывает толпы героев, толпа – это уже оболваненные. Толпой всегда манипулирует хозяин.

Удар – блок, удар – уклон. Анархист, нисколько не сбившись с дыхания, продолжал:

– Ты должен быть вежлив и груб. Не сомневайся, я правильно сказал. Вежливость в рабской стране – признак загнивающей прослойки, бесхребетного умника, маскирующего трусость. Мало быть умным, надо быть сильным и наглым. Чтобы пробиться на хлебную должность, ум нужен совсем не в первую очередь. Нужен мягкий язык, стальные зубы, крепкие локти и своеобразная мораль. Твоя вежливость должна быть груба, должна выглядеть опасной настолько, чтобы ее не перепутали с трусостью. К несчастью для перепутавшего. Только дурак может оскорблять незнакомого человека.

– Воображение – твоя сила и слабость. Боль – ты еще не чувствуешь ее, но уже представляешь. Это страшит, лишает сил. Но воображение дает возможность выжить там, где люди превращаются в животных.

Олег вставил модем в ноутбук.

– Сейчас везде ставят видеокамеры. На складах, в магазинах, банках, само собой. На перекрестках, площадях, везде, где скапливается народ.

– Тотальный контроль – заветная мечта диктаторов. – усмехнулся Махно.

– Я в детстве много фильмов смотрел про такое будущее. Не думал, что наступит так быстро.

После спарринга они вымылись, переоделись, теперь в роли учителя выступал Олег. Они сидели в «келье» Вадима, где сотовая связь функционировала без проблем.

– Камеры имеют свой ип-адрес, теоретически к ним можно подключиться, но мне до такого уровня как...

– Это и ни к чему. Камеры всегда можно отключить, сломать. В конце концов, можно изменить внешность. Самое главное – знать, где они расположены. Как ведется наблюдение. В любом случае будем предполагать, что оператор именно наблюдает картинку в реальном времени.

– Камеры могут писать, когда засекут движение.

– На обычном компьютере можно так сделать?

– Конечно, программ куча.

Олег постучал по клавиатуре, Махно прочитал на экране: «Тор... загрузка...»

– Сигнализацию в квартире можно сделать на основе компьютера?

Олег удивился:

– Зачем? В любом «Ашане» продаются GSM-сигнализации. При проникновении в квартиру тебе на телефон приходит сообщение, можно даже ММС настроить.

– Расскажи поподробнее...

– У каждого компьютера тоже есть свой ип-адрес, – продолжал Олег лекцию об основах компьютерной безопасности, – по которому можно отследить владельца.

– Как по серийному номеру мобилы, это я знаю

– Ип-адрес – это ерунда, он динамический, полиция может установить примерное местоположение владельца в момент времени. К тому же есть программы-анонимизаторы. Я с их помощью на нужные сайты через прокси захожу.

– Попроще говори.

– Через ип-адреса других компьютеров, расположенных в других странах.

– Даже так? Тогда нам нечего беспокоится. Твой ип-адрес затеряется как негр в Африке.

– У компа есть еще и физический адрес, вот его никак не поменяешь, поэтому при большом желании можно...

– Желания должны совпадать с возможностями. Так бы всех террористов замочили, все их связи засветили. А я ознакомился с событиями двух десятилетий, такое впечатление, наоборот, террористов как в инкубаторе выращивают.

– Ознакомился? Ты не знал о Дубровке, о Беслане?

– Неправильно выразился, – поправился Махно, – ознакомился с деталями. Я ведь с этим делом под твоим руководством начал всерьез заниматься. Что у нас с изделием номер два?

– Я посмотрел на форумах химиков-пиротехников. Судя по их болтовне, никто изделий такой мощности не делал. Теоретически может сработать.

– В технаре много кислоты можно взять?

– Нет, только если на опытный образец, и то могут заметить.

– Опытный образец нужен. – сдвинул брови анархист.

Поздно ночью Махно вернулся. Игорь услышал стук в дверь и сразу понял – Вадим. Сел в кровати, включил ночник. За последний месяц Вадим приезжал уже третий раз и сегодня, вернее вчера, пропал на несколько часов. Где был? Не к добру все это.

– Не заперто.

– Переночую у тебя. – Махно вошел, разулся, бросил сумку на кровать напротив. – Утром уеду.

– Как знаешь.

Игорь так и не знал, как вести себя с человеком из прошлого, с другом, изменившим его судьбу, человеком, которому обязан свободой.

– Поешь чего-нибудь?

– «Чего-нибудь» мне нельзя. – ответил Вадим. – Диета, мать ее. А чего у тебя есть?

– Там, в холодильнике.

– Так, посмотрим, что бог послал. О, вот вы чем здесь брюхо наедаете! Щи – носки полощи, картошка, огурчики, помидорчики, надо же – колбаса!

Махно достал кастрюлю с вареным картофелем, полбатона «Докторской».

– Вот это мне можно. – поставил продукты на стол.

– Что за диета?

Махно расстегнул рубашку, в свете ночника на плоском животе шевельнулись ленты рубцов.

– Вот такая диета. Уже двадцать лет.

Он достал из сумки бутылку водки, не спрашивая разрешения, залез в стол, достал кружку. Как будто знает, что где лежит.

– Давай выпьем, брат.

«Брат». В каком смысле братом назвал, подумал Игорь.

– А это тебе можно. При такой диете?

– Водка и лечит и калечит. – прищурился Вадим. – Ты же знаешь, я почти не пью. Не пил – правильно. Откуда ты знаешь, запил я или нет в местах не столь отдаленных.

Он набулькал в кружку водки.

– Давай. За встречу.

Игорь сидел, опустив руки. Махно поинтересовался:

– Бог запрещает или религия?

– Религия не запрещает. В меру можно. Не хочу.

– Не хочешь за встречу? Ладно, а я выпью. – он опрокинул стакан в глотку, поморщился. – Бог, значит, тебя держит.

При чем здесь Бог? Неужели встретившись надо обязательно пить спиртное? Игорь опустил взгляд, а Махно, закусывая, повел разговор:

– Странный он у вас. Не гуманный. Слишком много позволяет одним и отбирает у других. Почему допускает несправедливость? Почему заставляет страдать? Не задумывался? Бог страдал и нам велел. Вот такая интерпретация. Страдание, страх – так возникает рабство. Разве нужны богу рабы? Зачем ему, – Махно ткнул пальцем в потолок, – рабы? Или все-таки рабы нужны религии? Той религии, которую эти же самые рабы и придумали.

Он снова наполнил кружку.

– Не будь рабом условностей, Гарий. Давай выпьем.

Пришлось выпить. Через минуту Игорь почувствовал: захорошело.

– Знаешь, чем вера отличается от религии? В каждой религии сентенция – справедливость в другой жизни. Справедливость на том свете – как ты себе это представляешь? Будешь следовать заветам, попадешь в рай, нет – в ад. Смешно, честное слово! Страшают физической

болью дух. Или соблазняют гуриями бесплотную субстанцию. Получается, следовать заветам надо не по совести, а из-за страха или удовольствия. Муслимов гуриями и вином соблазняют, а у православных какой рай? Покой? Тогда ты уже в раю, Гарий. Молишься, в парнике копаешься.

Вадим снова налил водки, выпил как воду, даже не поморщился.

– А вот моя вера – есть непознанное, оно будет всегда: за горизонтом знаний другой горизонт. Есть вселенная, где ничего не пропадает. Что там за чертой? Уж наверно не то что мы себе представляем раз избавляемся от оболочки. Вот во вмешательство из непознанного я верю. А религия слишком просто объясняет. Нет ничего из того, что мы могли бы представить, по ту сторону.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Признаться хочу. В реанимации с какого-то момента меня перестали колоть обезболивающими. – у Вадима в глазах полыхнуло пламя, Игорю даже показалось, в комнате стало светлее. – Тогда я молил бога дать силы чтобы выжить. И он дал мне их! Я выжил! Потому что не мог уйти, когда те твари живы. Понимаешь? И потом в камере молил, чтобы спящему заточку в сердце не воткнули. Он разрешил мне.

Игорь невольно задержал дыхание, в голову ударило: он сошел с ума в тюрьме!

– Вот исполню задуманное, – синие отблески плясали по стенам, – тогда точно буду свободным.

– Что ты задумал?

Махно очнулся, глаза потухли.

– Потом. Скажи, а чего в вашем заведении охраны нет?

– Бог хранит обитель.

– Так и знал, что так скажешь. А старикашка на воротах – апостол.

– Ему жить негде, а здесь он вроде при деле. Серьезная охрана нам ни к чему.

– А как девки срамные забегут концерты закатывать или маньяк с ножиком?

Махно подвинул кружку с остатками водки.

– Ты меня сведи с вашим начальником.

– Зачем?

– Может, и меня приютит. И я, глядишь, на что-нибудь сгожусь.

Игорь подумал, взял кружку. Водка обожгла пищевод, давно не пил. Он вытер губы.

– Хорошо, сведу.

Кабанов посмотрел на часы – почти час. По словам клиента, Олег занятий не пропускает. Клиент – мать, то есть крайне субъективный клиент и вполне вероятно сынок давно учебу забросил. Но начинать Дмитрий решил с техникума. Утро снова было посвящено академику Какашкину, посему слежка за студентом была перенесена на дневное время.

Дмитрий дважды объехал техникум: первый круг сделал, убедившись, что припарковаться непосредственно у здания невозможно, второй – прикидывая, какой и откуда идет общественный транспорт. Вероятность того, что Олег поедет домой, естественно, выше, поэтому Дмитрий оставил девятку за соответствующей остановкой.

Майский день бодрил – солнце прогревало плечи, к коже прилипал загар, легкий ветер сдувал излишки тепла. Дмитрий нашел удобное место для наблюдения во дворе соседнего дома. Далековато, но разглядеть лица возможно. Логинова прислала фотографии сына и в полный рост и крупным планом, перечислила одежду, в которой Олег обычно ходит. Слежка за ничего не подозревающим мальчишкой казалась для Дмитрия совершенно пустяковым делом. 13-15, через полчаса закончатся занятия, Олег выйдет из дверей техникума и превратится в объект наблюдения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.